если
ПУТЬ
осязаем
ника горн
квадрат одиночества
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Ника Горн

Если путь осязаем

Серия «Квадрат одиночества», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67260383
SelfPub; 2023
ISBN 978-5-532-92424-6

Аннотация

Роман-исповедь «Если путь осязаем» рисует изнанку одержимости влюблённой Киры. Она старательно собирает обрывки своего пути в единый холст в надежде вычислить тот самый неверный поворот, который привёл ее к помешательству, но лишь глубже и глубже утопает в рефлексии.Словно отражение зеркала в зеркале автор пишет книгу о Кире, которая в свою очередь пишет книгу о Германе. Лоскутное полотно повествования соткано из воспоминаний и снов. Композиционная головоломка сюжета, смена эпох и локаций, лирические отступления – все это выносит историю Киры за рамки привычной романтической прозы. Роман-состояние, роман-иллюзия, роман-ожидание увлекает читателя в лабиринт эмоционального многогранника, где один неверный выбор обрекает героев на бессмысленный бег по кругу одиночества. От первого взгляда до последнего крика…

Содержание

ГЛАВА 1. Порывы 7
ГЛАВА 2. Раз ступенька, два ступенька 22
ГЛАВА 3. Бери – лепи 44
ГЛАВА 4. Если друг оказался вдруг 61
ГЛАВА 5. Убойная 71
МАЯТНИК 87
ГЛАВА 6. Как получится 95
ГЛАВА 112
МОРОСИЛО 117
Конец ознакомительного фрагмента. 118

Ника Горн
Если путь осязаем

Об авторе

Ника Горн – автор дебютного романа «Если путь осязаем», изданного в марте 2022 года.

– Меня всегда удручала мысль о том, что моя жизнь среди миллионов других жизней станет единственно возможной, – говорит автор. – С детства хотелось улизнуть и испробовать другие, непохожие на мой варианты развития событий. Ютиться внутри индивидуальной комбинации выборов было, мягко говоря, утомительно линейно. Поэтому вживаться в выдуманные сюжеты, доигрывать эпизоды из реальной жизни я начала довольно рано, а вот идея записывать их пришла уже в глубоко разочарованном возрасте, когда потребительский вирусный контент реальности окончательно мне наскучил.

Я помню, как однажды топталась в обеденный перерыв в Никитском переулке, стихия бушевала согласно календарному графику (ветер, снег в лицо, пальцы коченеют, сигарета еле теплится), и, кутаясь в мех капюшона, я вдруг отчетливо услышала внутри шепот о том, что я хочу написать книгу, что мне нужно записать одну из любимых историй, что она перестала умещаться внутри. Шепот тот долго меня пре-

следовал и утих лишь с растущим количеством ночных заметок, из которых 15 зим спустя получился мой трогательный «Путь», мой первый роман о любовном многоугольнике и торжестве жизни.

Филологическое образование, некогда рассматриваемое мной как неприменимое к жизни, с первых глав уверенно заявило о своей значимости и заслужило мое запоздалое раскаявшееся почтение. Красный диплом института иностранных языков был снова горд собой и тихо счастлив.

Почему Ника Горн, а не Венди Линч, например? – спросите вы. Во-первых, до Венди Линч мне, к счастью, далеко, а во-вторых, все чуточку проще и в разы приятнее, чем с Венди. Ассоциативный ряд – далекий, отстранённый, безвременный, безмятежный – вывел меня на образ высокогорья. Там в горах, помимо поэзии, неотрывно живет красота. Поднебесная флора содержит множество любопытных названий, но выбор мой пал на целебный цветок – Арника Горная, которая заживляет раны и лечит сердце. Следом началось семантическое волшебство: Арника сократилась до богини победы «Ники», а Горная до призывного «Горн».

О романе

Роман-исповедь «Если путь осязаем» рисует изнанку одержимости влюблённой Киры. Она ищет причины случайностей, старательно собирает обрывки пути в единый холст.

Она надеется вычислить тот самый неверный поворот, который привёл ее к помешательству, но лишь глубже и глубже утопает в рефлексии.

Словно отражение зеркала в зеркале автор пишет книгу о Кире, которая в свою очередь пишет книгу о Германе. Лоскутное полотно ее повествования соткано из воспоминаний и снов. Композиционная головоломка сюжета, смена эпох и локаций, лирические отступления – все это выносит историю Киры за рамки привычной романтической прозы.

Роман-состояние, роман-иллюзия, роман-ожидание переносит читателя в лабиринт эмоционального многогранника, где случайный выбор обрекает героев на бессмысленный бег по кругу одиночества. От первого взгляда до последнего крика…

Кто выйдет из игры первым?

Кому предстоит сделать главный выбор?

* * *

«Кто не любит одиночества, не любит и свободы».

Артур
Шопенгауэр

ГЛАВА 1. Порывы

Если можешь, беги, рассекая круги,
Только чувствуй себя обреченной.
Стоит солнцу зайти, вот и я
Стану вмиг фиолетово-черным.

Нет, не хватит еще и еще.
Нет, не хватит, ведь было такое.
Он лица беспокойный овал
Гладил бархатной темной…

Фиолетово-черный, Пикник

«Переполненный трогательными и шутливыми нотами счастливый Дебюсси, посвящая своей трехлетней баловнице журчащую сюиту, и не мог вообразить, что столетие спустя его порыв станет настоящим убежищем для одиночества тревожного возраста, не знавшего отеческой отрады…»

Вибрация смартфона, призывающая немедленно озвучить входящее сообщение, вторглась в чудотворный процесс материализации текста и рванула внимание диктующего голоса на экран:

– Как же я вас обожаю! Нет слов! – прочитал достигший

в свободном падении плотных слоев фантазии голос сущую банальность, которую он, впрочем, ждал уже третьи сутки. Затем, бегло примерив на себя остроту возможных реакций, выдержав паузу в десять вдохов, голос выбрал наиболее едкую по составу реплику и, не без усилия сдерживая подкатившую волну ярости, выдал ее в чат:

– Гой еси, не ждали, – язвительно продиктовал голос, а его подопечная послушно набрала текст подрагивающими пальцами и направила его в сторону «запретной зоны».

– Извините, забыл, что порывы нужно согласовывать, простите, пожалуйста, – паясничала в ответ «запретка».

– Порывы?! У вас давление скачет? – голос был готов к провокации и импровизировал, не выходя из потока видений. Он продолжал блуждать по мелодичному лабиринту сюиты Дебюсси, припоминая высказывание какого-то окологениального композитора о том, что более всего он ценит в своем математически выверенном ремесле не гармонию ритма и тона, а не что иное, как паузы. Ведь музыка, лишенная пауз, утомительна и навязчива.

– Откуда я это знаю? – спросил голос сам себя. Он любил не просто знать, но помнить, на какой полке хранится знание, когда и откуда оно там появилось.

В комнате царило закатное вдохновение и ароматное звучание дуэта органической розы с марокканским нероли. Парижское солнце клонилось к горизонту за неплотно закрытыми чуть потертыми бархатными гардинами цвета пыльной

травы. Оно изящно расположилось на балкончике с изогнутым будто в танце ограждением, заботливо согревая нарядную копну клематиса, обрамляющую эллипсовидные перила. С улицы доносился шум открытого кафе и редкое эхо проезжающих по узкой полосе авто.

– Ах, да. Летти Кауман. Сорок третий ярус, восьмой ряд справа, зима 2013, – не отводя взгляд от полоски света на стене, вспомнил наконец занудливый диктор и тут же повелел отыскать в сети тот самый отрывок из «не написанной, но рожденной книги "Потоки в степи"». Пальцы метнулись по клавишам и спустя несколько секунд предъявили нужный пассаж:

«Паузы – это не музыка, но без пауз не бывает музыки. Бывает, что песнь нашей жизни прерывается "паузой", и мы, не понимая, что произошло, считаем, что песнь нашей жизни окончена…

…Что делает музыкант во время паузы? Он продолжает отбивать ритм, считая время, чтобы взять следующую ноту правильно: вовремя, не нарушая мелодию».

Не успел диктор насладиться содержанием прочитанного, как философский ажур был вновь нарушен бесцеремонными позывными с вражеской стороны:

– Нет, вроде. ПОРЫВ – Мужской род. Сильное мгновенное проявление какого-н. чувства; душевный подъем, сопровождающийся стремлением сделать что-то, – последовало сухо скопированное из электронного словаря поучение.

Вечер, будь он неладен, переставал быть. Словарный copypaste выдернул автора из контекста и вернул на шестой этаж здания образца начала 18-го века, в одинокий, пусть и роскошный гостиничный номер. Амазонка вышла на балкон, потянулась, понежилась в теплоте косых лучей, опустилась в плетеное кресло и приготовилась к атаке. Для начала она извлекла из памяти стопку аргументов из ранее сохраненного на подобный случай файла и одобрительно подмигнула своему же отражению в режиме портретной съемки вместо команды «Огонь на поражение!»:

– Порывы?! И что у вас там стремление даже нашептывается? Чур меня, показалось, – прицеливалась атакующая, настраиваясь на лобовую.

– Что именно показалось? – повинуясь принять все, что уготовлено ему на этот раз, уточнил обреченный.

– Нет у вас ни порывов, ни стремлений, – метко щелкнул голос и с ходу попал в чуть дрогнувшую цель.

– Пфф, я почувствовал обожание и необходимость сообщить об этом, что немедленно сделал.

– Одни фантомы в вашей голове.

Закрепив цель на мушке, диктующий голос с отточенной годами тактикой наносил один за другим удары ловко раскрученным над собой свистящим кнутом обиды.

– Как скажете, – предвкушая не менее хлесткое продолжение, противник мысленно поправил выбившийся локон ее молочно-шоколадных волос за правое ушко, умиляясь ее

нынешней горячности.

Они проходили эту стадию неприличное количество раз, и каждый из участников поединка безупречно знал свою роль. Поэтому всё шло как по маслу.

– А ваш порыв связан исключительно с чувством вины. За то, что вы не выполняете обещаний. За то, что вы забываете про обещания. За то, что вы знаете, что я вам этого не прощу.

– Нет. Даже не рядом. А чувство вины, даже если бы оно пыталось пробиться наружу, вы уничтожаете с завидным постоянством своими выходками.

– Какими такими выходками?! Что за голословность?! Обожаете?! Так будьте любезны мне хоть издали дать почувствовать это ваше обожание. А то его как ветром сдуло на второй же реплике.

– Да, та же Серафима.

– Серафима – это не выходка, это моя ответственность и мое право. Никакой цели, кроме как поднять ей настроение и узнать про ваше детство, я не преследую. В вашу семейную трагедию я не лезу и никак не стараюсь на нее влиять, более того, прошу меня не посвящать в подробности вашего нынешнего бытования. Я всего-то имею наглость делать заметки о ваших былых семейных трагедиях. Если бы вы мне хоть раз пояснили причины вашего гнева, я бы имела основания для корректировки цели. Почему вы называете мою добрую волю выходкой, мне не ясно и крайне оскорбительно. Ваша маман не знает ничего о том, что ее безупречный сыночка

плотно подсел на мой контент, и от меня никогда не узнает, если вас это беспокоит. Обмануть и запутать меня у нее не получится, слишком коротка ее память, и временные дыры в ней слишком очевидны. И потом обмануть можно только в случае, если бы я намеревалась ее использовать в некоем хитроумном плане. Но у меня его нет. Даже если предположить, что она постоянно притворяется и пользуется моим добровольем, мне ни капли от этого не обидно. Мне от этого никак. Мне приятно быть в вашем пространстве. Приятно трогать ваши книги, смотреть в зеркало, которое видело вас двадцати лет от роду.

Голос закрыл глаза и легко перенесся из уютного кресла двадцатых годов 21-го века на жестковатый диван в панельном доме восьмидесятых годов 20-го века, в свою двадцать первую весну, и продолжил:

– Я считываю вас там с каждой вещи, вижу вашу тень при каждом медленном повороте головы.

Голос органично пребывал в двух измерениях одновременно. Он виртуозно пробирался сквозь плотные слои памяти, извлекая запахи, образы и звуки из их единственной встречи в квартире той самой Серафимы.

Вот молодой озадаченный «Герман сидящий» с крупными, спадающими на лоб коричными вихрами в темной гостиной на колючем бордовом ворсе безнадежного феномена зажиточных советских квартир подпирает лопатками лаковую дверцу румынской стенки. Он прижимается губами к право-

му плечу и сквозь размытую кисею считает стекающие желтые капли дрожащего октября, отмеряя первые минуты того, что не должно было случиться. Мысли его тревожно мечутся по двенадцати квадратным метрам невозможности и отсутствия плана действий. Внешне спокойный и даже слегка сонный Герман изнутри истерзан словно холст широким врубелевским мастихином от распирающей его немоты по случаю внезапно оказавшейся полчаса назад в его квартире Киры. Она и не думала ни о чем таком еще утром, но когда вдруг услышала в трубке: «Приходи, мать умотала на все выходные», – зачем-то согласилась. Теперь Кира напоминает ему «Девочку на фоне персидского ковра». Она забирается с ногами на плюшевый диван по левую руку от сидящего, неловко скрещивает кисти, сдерживая предательский короткие твидовые складки, из-под которых ольфакторно-дуреющий Герман четко улавливает неизвестные и такие зовущие девичьи всполохи. Растерянный профиль его, отрываясь от плеча, медленно поворачивается в тусклых отсветах телевизионного экрана и превращается в пристальный анфас. Гнусавая голливудская драма немеет, уступая место простому, житейскому рокоту. Бабушка Агнешка, с каждой секундой точно крепче сжимающая китель на плече мужа, неодобрительно коситься на внука со стоящей за стеклом серванта фотографии. Но парень смотрит теперь только на почти свою Киру, которая больше не придет, если близости в этот первый раз по робости его не случится, либо, наоборот, испуга-

ется вольности и опять-таки больше никогда не придет. При любом раскладе Германа ждет крупнокалиберный фейл, соразмерный разве что с размахом крыльев дедовского самолета, макет которого не раз взлетал с памятной полки, на которую смотрит теперь Кира. Герман отчетливо понимает, что он в ловушке. И всё же второй вариант кажется парню менее провальным. Еще пару минут, и он сократит расстояние до вытянутой руки.

В свою очередь гостья, словно читающая подстрочник метаний почти ее Германа, делает ставку на первый вариант, наивно недооценивая голод курсанта. В то же время Киру переполняет любопытство и нетерпение, и в момент, когда Герман переводит взгляд на крылья, она шустро забирается с ногами на незнакомый диван избавляется от сдавливающего живот капрона, садится в привычную позу лотоса и замирает. Черно-белое клетчатое мини стыдливо улыбается, еле прикрывая подрагивающие бедра ее с каждой минутой взрослеющей обладательницы. Герман возвращает внимание на диван и, спотыкаясь о парящие колени, все еще медлит, словно самурай, умирающий еще до начала боя.

– Я слышу и чувствую тебя там. Я… – продолжал голос, выныривая из прошлого в настоящее. – Ты не способен понять, каково это и что это для меня значит. И значимость эта всё еще перекрывает ее негативные последствия в виде твоего демонстративного молчания или необоснованных упреков.

– Еще как способен, моя сладкая, – произнес про себя Герман.

Голос автора осекся, зафиксировав бесконтрольный переход на «ты», спешно открыл заметки и записал диктуемый на высокочастотной волне текст:

«Когда ты смотришь на меня так, я становлюсь моложе,

Когда вдыхаю запах твоей соленой кожи, я превращаюсь в ветер. Похоже,

Всё это выдает в нас вечность».

– И что мне с этим делать теперь? – пробормотал голос.

– Включить в первую главу, – ответил кто-то с той же высокой частоты, – роскошная же сентенция. Дарю.

В силу того, что подобные прямые включения случались последнее время с завидной регулярностью, голос не только не удивлялся постоянному аудиальному сопровождению, но и пользовался случаем для коротких, но содержательных бесед. Особенно это выручало, когда вокруг было полно заумных челов, спешащих выплеснуть на нее свою эрудицию. Она смотрела на таких вот умников, а сознанием переключалась на другую частоту и слушала уже совсем другие истории, которые потом еле успевала записывать в перерывах между третьим и пятым глотком одного бокала, который Кира предпочитала растягивать на весь вечер.

В то утро бокал, к счастью, был наполнен лимонной водой. Сделав пару глотков, девушка вернулась в постель, под-

правила настройки реакции и продолжила:

– Что же вы так тогда во мне обожаете, и обожаете ли, если я всё уничтожаю и крушу ваши лучшие устремления?! Возможно, вам просто потребовалась новая порция цифрового секса? А мне нужен был всего лишь ваш живой звук. Всего несколько слов. Не слишком ли дорогую цену вы устанавливаете за такую малость?!

– Я просил не общаться с ней. Вы обещали. И даже какое-то время выполняли обещанное. А потом наплевали на меня. И даже бравируете этим.

– Вы тоже кое-что мне обещали.

– А последовательность не напомните? Может быть, мои действия всего лишь реакция? Впрочем, это пустое. Мой порыв так и остался порывом.

– Все ваши действия и диалоги у меня подробно письменно изложены. Слава создателям гаджетов! И последовательность там налицо или, уместнее сказать, во всю диагональ экрана. И видим мы там лишь одни сплошные ваши обещания и мои неоправдавшиеся ожидания, ни одного реализованного порыва или искреннего разговора, доведенного хотя бы до середины. У вас всё время одни: «я так и думал», «ну, понятно» и «сама виновата». Впрочем, это пустое. То, что я не услышу вас месяц или два, никак не изменит мое внутреннее убеждение. Я всё равно вас не слышу и не вижу уже порядочное количество недель. Нечем тут пугать. Вы считаете меня говорящей куклой, типа спам-подкаста, кото-

рую можно отключать словами «не сегодня», которая по наступлении буднего дня должна снова говорить, улыбаться и развлекать своего подписчика. Но, увы, я не хочу улыбаться, когда меня всякий раз доводят до края, а потом обвиняют в том, что я, б*, грохнулась вдребезги с этого края. И вам похрен, что мне больно, что я вся переломалась, падая. Более того, вы меня готовы порывно обожать вместо того, чтобы задуматься над тем, что надо бы поднять меня и хоть как-то постараться больше не ронять, – упруго бомбил запретную зону черный каучуковый матовый кнут, за которым еле поспевали коченеющие кончики пальцев.

– Это не так, – обнимая ее мысленно изо всех сил, неуверенно возражал противник.

– Это так, и вам нечего этому «так» возразить, кроме «ты же сама падаешь, я тут ни при чем», кроме «я тут пришел к тебе со своим обожанием, а ты мне мозг выносишь своей неврастенией», кроме «я вообще занят, пусть сама разбирается, я ей в няньки не нанимался, я ее обожать хотел, а она ведет себя как ребенок опять». Все? Закончилось обожание?! Поздравляю! Вы побили предыдущий рекорд в два часа.

– Нет, конечно. Я вас любую обожаю. Некоторые ваши поступки нет, но не вас.

Это была обезоруживающая инъекция, от которой голос напрасно силился подобрать противодействие:

– Да, да, это психологи так рекомендуют с капризными

детьми беседовать. Знаем, проходили, – шаря по пустым бойницам в пересохшем горле, голос жаждал живительного примирения.

– Мне не рекомендовали. А что вы делаете?

– Вы, видимо, хотели сказать «я всё в очередной раз понял, не сердитесь на меня, я к вам очень скоро приеду и запишу вам сколько угодно своих голосов? – в ожидании окончательной капитуляции шелестел бережно скручиваемый в тугое кольцо кнут.

Последовавшее аудиосообщение вдохнуло жизнь в самые нижние ноты удовольствия и хриплым эхом отозвалось в животе. Запись была прослушана еще несколько раз:

– Зачем вам мои голоса, Кира? Что вы собираетесь с ними делать?

Repeat:

– За-чем ва-аам мои-ии, голоса-а, Кира? Что-о вы собира-ааа-ете-ееесь с ними-и де-еее-лать?

Repeat:

– За-че-ееем ва-ааааам мои-ии….

Волны голоса Германа замедлялись и резонировали в каждой ее свободно мыслящей клетке, обостряя органы чувств, провоцируя легкие вкусовые, тактильные и визуальные галлюцинации. Достигнув наконец глубины глубин, они вырвались наружу стоном и печатным сопровождением:

– Смею предположить, что моя реакция на твой голос равноценна твоей реакции на мои трусики.

Выдав в эфир это дерзкое сравнение, Кира тут же вообразила Германа в офисе, без стука входящего в ее кабинет, демонстрирующего подаренные ему сто лет назад ее же трусики со словами: «Ничего нет равноценного». Фраза эхом заметалась в лабиринтах воображающей, погружая ее всё глубже в новую сцену. Кира вмиг заключила наглеца в свои фирменные объятия, в прыжке обхватывая его ногами и руками, на ходу блокируя самоконтроль, подчиняясь первобытным алгоритмам лимбической системы.

– Рыыыррррр, – завороженная вслух спугнула наваждение и резюмировала в отправленном сообщении:

– Нет. Я бы точно не смогла с вами работать.

Затем воспроизвела про себя загугленный подходящий отрезвляющий контекст:

«На языке науки, любовь – это древний коктейль из нейропептидов – молекул, которыми нейроны "общаются" между собой. С точки зрения эволюции, любовь – это поведение, способствующее появлению и сохранению чувств, которые, в свою очередь, помогают размножаться и выживать».

Продолжать род, когда тебе за сорок и у тебя три офигенных наследника, как-то незачем, подытожила Кира и дальше уже не читала болтовню страждущего.

А всё тот же наглец, уловив без труда намек про «не смогу с вами работать» и ход дальнейших мыслей, подыгрывал уже в пустоту:

– Почему нет? Я бы смог. Есть же затычки в нос, которые

спасут меня от аромата корицы, исходящего от твоих плеч, шоры, которые уберегут меня от твоего зовущего взгляда, и беруши, благодаря которым я не услышу твой задорный смех.

Диалог оборвался так же нелепо, как и начался. Без поводов на продолжение и прощание. Так случалось часто. Кира знала об этой особенности соавтора. И хотя она никак не вписывалась в рамки нормального человеческого общения, это не помешало девушке исключить привычную стадию разбора и выводов. Вместо этого девушка спокойно вернулась к диктовке:

«Надеюсь, вы не ждете от меня рассказа о сокровенном и трепетном, не рассчитываете отыскать где-то на 134 или 243 страницах путь к вечным «Кто виноват?» и «По ком звонит?». Пытливые умы давно вычислили, что виноватых нет, а колокол – всегда только по вам. Здесь не будет ни острых идеологических рефлексий, ни разоблачений догнивающей цивилизации, ни злободневных мироточащих полотен человеческого опыта. Мне нет никакого дела до чужого хлеба.

Все события вымышлены, а совпадения случайны. Они далеки от прайм-тайм контента, хайпа, кринжа, и прочей нечисти. Это история о выборе, субъективной воле, трагической иллюзии, обрекающей на небезызвестное одиночество в сети. И вовсе не то высокопарное одиночество, о котором скорбел Маркес и Мюриель, а банальное бытовое одиночество, о котором не принято задумываться, которое давно ста-

ло нормой. Речь пойдет о разрушающей силе нормы, пронзившей сознание главной героини, Киры, едва успело жесткое пеленание сковать ее младенческое сердце, беспощадно извергнутое утробным космосом.

Хорошо бы включить это состояние в медицинскую практику в виде полноценного диагноза, а не сопутствующей симптоматики. Как считаете? Поскольку, достигая в наши дни пандемических масштабов, он нуждается в изучении не менее, чем какая-нибудь гемангиома или плоскокостный ганглий, не говоря уже о кровожадном COVID-19. Львиная доля человечества давно поражена такой Нормой и подсознательно ждет изобретения и внедрения действенного протокола лечения, чтобы однажды обрести надежду на исцеление:

– Доктор, что со мной?

– Ничего особенного – это Норма, распространенная разновидность острого одиночества. Я выпишу вам рецепт. Современная медицина далеко шагнула в области профилактики и лечения острого одиночества. Через пару недель всё пройдет.

Вот бы нам с вами такой рецептик, а?”

ГЛАВА 2. Раз ступенька, два ступенька

Сильную влюбленность буквально можно наблюдать на томограмме: вы показываете человеку фотографию возлюбленного, и в мозге активируется система вознаграждения, причем картина примерно такая же, как у наркомана при виде вожделенного вещества. Любовь – это важно. Любовь – залог выживания и процветания нашего вида. Любовь дает мотивацию для великих свершений.

Ася Казанцева

– Запах. Притяжение. Целостность. Космос. Вибрации. Сила. Нежность. Уверенность. Дыхание. Трепет. Осознание. Выбор… И что еще там было? – Ника пыталась вспомнить сцену из вчерашнего сна, но мысли путались и никак не желали ложиться на экран.

Сава сидел на работе и подвисал. Часы показывали четверть шестого. Рутина бурчала в унисон с его декадентским настроем. Машинально принимая участие в делах, по списку задач, который составил еще утром и даже выполнил его треть, Сава понимал, что весь день прошел в неверной то-

нальности, как будто сам он пытался танцевать, а музыка была не то блюз, не то вой какой-то депрессивный.

И всё бы ничего, и пошел бы он вновь на набережную, и выветрил бы из головы эту ерунду вместе с предвесенней хандрой, но выветрить первопричину было не в его силах. А дело ведь было всего-то в стечении пары-тройки обстоятельств.

Хорошие выходные были у Савы. Целых четыре дня. Всё он успел, и для себя, и для семьи. Съездил в гости к людям, с которыми не виделся десять лет. Был обласкан и исцелован, почувствовал себя юным, любимым, нужным и интересным. Прошелся по родному городу, вдохнул его. В толпе среди зданий человеческого размера слышал звон трамваев. Он по-особенному разлетался в вечернем воздухе. Так бывает только в феврале и марте. А вечером они с сыном колесили по Москве, болтали в кафе и бродили по залитым сырым жидким светом переулкам. Два мужика, похожих друг на друга; один – вся жизнь второго. Был дом, еда, горячее масло, овощи, сливки – и всё вместе, всё сжато в одном вечере. И игра в шахматы до полуночи, и новые книги, и оценки без троек. А утром по кругу с удвоенной скоростью. Машина, город, музей, вопросы олимпиады, машина, аудиокниги и сэндвичи на Таганке. Тугие слои пестрых выходных были увенчаны визитом к родителям.

И вот теперь он снова был на страже финансовой отчетности. А вместо цифр на мониторе проплывали кадры предше-

ствующих дней и недавний разговор с Арникой. Он открыл почту и отправил ей накопленное:

– Все эти зигзаги влево, вправо и ниже пояса говорят о глубоких трещинах в душах наших персонажей. Кто-то боится и зажимается, кто-то ведет себя смело и порой вызывающе – всё это лишь поиск путей к достижению недостижимого. Мы пытаемся строить вокруг этого повествование, литературку, а ведь всё не так. Просто есть люди, есть море и жизнь. Солнце неизменно всходит, купается в мягких лазурных волнах, гуляет по колючим оливковым рощам, достигает горных вершин, а потом скатывается снова, увлекая за собой взгляд до самого горизонта. Кроме этого, больше ничего настоящего и нет. И людям следует жить так: рождаться, учиться, влюбляться, продолжаться в детях, проводить жизнь в труде между морем, садами и солнцем и оставлять после себя жизнь и цветущую землю. Ничего другого настоящего просто нет. Всё. Точка.

Трудный был день. Все эти бесконечные цифры и несносные дамочки из отдела вымотали Савелия Петровича. Он не хотел сегодня ни высокого, ни низкого штиля.

Ника же, напротив, после рабочей суеты всегда с удовольствием погружалась в пучину своих миров и печатала часто до онемения пальцев и третьего часа утра:

«Знакомая пробка на Крымском мосту. Кира рулила на автомате, вглядываясь в детали конструктивных элементов, прикидывала количество клёпок, ритмично покрывающих

три пролета несущих балок грандиозного сооружения начала прошлого века. Открыла статью wiki, проверяя свои догадки и узнавая новые подробности об истории его создания и эксплуатации. Салон укутывала гармоника джаза в исполнении Каро Эмеральд, а если точнее, Каролины Эсмеральды ван дер Леу. Привычка запоминать сложные имена досталась девушке в наследство от одного немного неравнодушного к ней, а если точнее, по уши влюбленного и невероятно эрудированного юноши.

Кира вернулась в день, когда Герман увлеченно рассказывал ей про знаменитую линию Маннергейма, о которой спутница на тот момент не имела ни малейшего представления:

– Ну, ты же в курсе, как его полное имя? – немного заносчиво предположил он, пряча свои истинные намерения за невесомой оправой.

– Нечестно спрашивать меня то, о чем мне можешь рассказать только ты, – смутилась девушка от его высокоинтеллектуального захода в прогулочную беседу одноклассников по дороге домой.

– У него крутое имя: Карл Густав Эмиль Маннергейм, – закидывая ее рюкзак на второе плечо, продолжал умник.

– Дворянин, отслуживший двадцать лет в русской армии, несостоявшийся первый президент и главнокомандующий ВС Финляндии. Это в его честь назвали комплекс оборонительных сооружений между Финским заливом и Ладогой. Внушительная была оборона, целых сто тридцать километ-

ров. Ее строили всё третье десятилетие 20-го века, чтобы сдержать возможный удар со стороны СССР.

Карл Густав Эмиль Маннергейм. Как же это было давно, больше двадцати лет прошло, а она могла повторить всё слово в слово. Мысли скользили по улочкам памяти и переплетались с ритмичной мелодией. Автопоток окончательно встал. Кира улыбалась отражению в зеркале, поправляя прическу».

Ника открыла почту, прочитала отрывок, полученный полчаса назад от Савы, и ей не терпелось ему возразить:

– Мне точно не хочется в труде между морем и садами, – строчила она в чате мессенджера, – мне хочется, чтобы Герман ее простил, чтобы он оказался именно таким, каким она его придумала, чтобы они смогли всё преодолеть и быть счастливы, но чтобы никто при этом не пострадал, особенно дети.

Ответ не заставил себя долго ждать. Сава захлопнул духовку, в которой уютно томились печеные овощи, и начал игру:

– А за что простить-то? Что случилось между ними?

Ника любила, когда собеседник, зная правила, принимался сочинять на ходу, убедительно подхватывая заданную автором тему:

– Что случилось? Так вот в пару фраз и не уместишь все, что случилось. Кире казалось, что всё могло бы быть иначе, и оно было бы, но, видимо, еще хуже. Она же сама выдумала

эту воображаемую царапинку и расковыряла ее до кости.

– Не выдумала. Помнишь Митю, всё же с него началось в пятом классе? Помнишь, нравилась она ему, а он таскался за ней? Помнишь, как перед началом урока… Как ее зовут, кстати?

– Я называю ее Кирой. Как тебе такое имя?

– Хм, редкое имя для того времени. Видимо, в честь Киры Шемаханской из «Чародеев»?

– Или Киры Найтли.

– Договорились. Так вот, помнишь, вертелась она с Катькой у доски? Биологичка сделала им замечание, но баловство не проходило. Тогда Митька подошел сзади, обхватил Киру поверх рук, развернул к себе, а отпустил на мгновение позже. Такое вот случилось первое бесцеремонное мужское вторжение.

– Допустим, и что дальше?

– Оттолкнула она его, сильно так, не по-девичьи совсем. Парень упал, вопросительно-растерянно заковылял к задней парте. Потом Кира долго сторонилась мальчиков, и след в памяти остался на всю жизнь.

Друзей не то чтобы мало, их вообще не было. Одноклассницы то и дело норовили перетянуть одеяло внимания каждая на себя. Смысла участвовать в их глупых затеях Кира не видела. Она не могла найти ни единого повода для постоянного подстраивания под чужие причуды и веления. Вместо теплоты и поддержки общение подразумевало неизмен-

ное служение чьим-то интересам. А ее, Кирин, бушующий фантазиями внутренний мир никого не интересовал. Поэтому отношения складывались поверхностно, до первой ссоры. Дружба была таким же эфемерным понятием, как отцовская забота. Не случалось ни разговоров, ни поведанных секретов, ни одного намека на общность интересов, ничего из того, что сопутствует детству и юности. Не повезло, в общем. Не случилось. К концу шестого класса девчонки окончательно разбились на пары, смотрели на Киру косо или вовсе не смотрели.

Со временем девочка научилась дружить с книгами, музыкой и искусством. Антуан де Сент-Экзюпери, Фредерик Шопен, Клод Моне, Джейн Остин, Франсуаза Саган, Клод Дебюсси, Шарлотта Бронте, Михаил Врубель твердо заняли свое место в ее хрупком сердце. Классика формировала пытливую девичью душу, порождала в ней возвышенное отношение к окружавшей ее неприветливой прозе жизни.

Миниатюрная стать одиночки всегда стояла особняком в ряду со среднерусским телосложением ровесниц. Изобретательная Софья Михайловна, мама Киры, шила для дочери модные платья и комбинезоны по выкройкам немецкого журнала Burda. На фоне нехитрого школьного стиля одноклассниц разгара челночной поры Черкизона девушка часто выглядела еще более белой вороной.

Непохожесть на других в школе и во дворе настраивала против нее сверстниц и привлекала сверстников. Отсутствие

макияжа, смуглые ямочки, угловатые кисти и цепкий, не по возрасту острый горделивый взгляд стали ее визитной карточкой. С детства прозрачная и ранимая Кира была оторвана от земли, порхала обособленно от разочарования к разочарованию.

– Да, да, помню, – перехватывала Ника, – при том, что росла Кира в обычной советской семье.

Отец – инженер, всю жизнь посвятил родному НИИ, со скрипом продвинулся по профсоюзной лестнице до средних руководящих высот. Дочерью никогда не занимался, пропадал то на работе, то в гараже, то вовсе у любовниц.

Однажды крах государственного масштаба совпал с крахом семейным. Тремя месяцами ранее продавщица «Березки» из соседнего подъезда пригласила инженера переехать к себе. Инженер не отказал. Развод был сложным, с делением жилплощади, побоями и нецензурной бранью. Квартиру, недавно выделенную НИИ по очереди длиною в жизнь, стараниями продавщицы разделили на две однушки. У Киры с мамой с тех пор началась совсем другая, нелегкая, но свободная жизнь. Вскоре инженер умер от цирроза печени. Его однушка досталась детям продавщицы, а патенты на его изобретения сожгли в печке, вместе с его книгами.

– А мама… – Ника перевела взгляд с экрана на поток фар за окном.

– Мама Киры была учителем французского по призванию, – уловив ее замешательство, предположил Савелий и

добавил с улыбкой:

– И массовиком-затейником по совместительству. Она была порядочной, добродушной, инициативной, не приспособленной к быту любительницей любовных романов. Кира с детства слышала французскую речь, посещала всевозможные музеи и концерты, особенно трепетно относилась к французскому искусству, но в доме всегда был бардак с горой немытой посуды, поскольку мать была занята тетрадями, школьными мероприятиями или очередным незамысловатым содержанием в мягкой обложке.

Кира почти не помнила детства, не знала, что такое настоящая семья. Память хранила лишь горстку осколков. Среди них была светлая поездка в Прибалтику со вкусом вареников с вишней и переспелой, не смывающейся с одежды и ладоней шелковицы, с ароматом манящего моря из окна машины, с эхом органного концерта Баха, с радостью улыбок маминых подруг. Иногда вспоминалось возвращение с салюта на руках у дедушки, мама рядом с бабушкой немного позади, все веселые и уставшие. Еще, пожалуй, картинки из детского сада (Женя рыженький) и первого класса (Рома маленький), первая учительница (добрая и теплая Марина Викторовна). И что там еще?

Воображение обратилось к сетевому поиску и нарисовало сцены в оттенках грозового небосвода:

– Помнишь удар головой об угол шкафа (инженер не удержал)? А как Кира на бегу вспорола запястье о торчащий из

забора прут, спасаясь от дворовой собаки? Помнишь жуткую сцену избиения матери тем же неудержавшимся нетрезвым инженером? Отчаянную неудачную попытку защитить и защититься?

– Такое не забывается, – хмурясь, подтвердил Савелий, – Кира ведь уже тогда умела идти до конца. Но подожди. Ты забыла всё же про маленькие радости. Чуть раньше. Первая школа. На руках у десятиклассника очаровашка с огромным бантом и тяжелым колоколом в руках. Девчушка же была крошечная и трогательная – таких всегда выбирают для особо торжественных моментов.

– А парады и демонстрации? До чего ж они были хороши! – язвительно продолжала рассказчица, сворачивая на Большую Тульскую. – Ты помнишь тот величественно-облезлый, единый, безропотный народ? Народ, который по приказу создавал массовку для показательных выступлений в честь торжества социализма или коммунизма. Кто теперь разберет, что ему надлежало изображать? Помнишь, как светлое будущее ликовало на пустых прилавках и взращивало здоровое поколение на гречке, кукурузе и картофеле. Как мандарины и бананы дозревали на антресолях в ожидании перехода на очередную пятилетку, и доступ к ним детскому восторгу был закрыт вплоть до новогодней ночи.

– Зачем?!

– Что зачем?

– Зачем ты так о стране и народе? Не ожидал от тебя. На-

род-то тут при чем? Ты не вали всё в одну кучу, если не разбираешься, – резко остановил бег ее мыслей Сава. Его гражданская позиция в корне отличалась от ее, по сути, обывательской, да к тому же еще и женской, но Нику было трудно унять, когда скорость превышала допустимый предел:

– А как ты без этого объяснишь происхождение стойкого отвращения к массовому идиотизму и идейной самодеятельности? Откуда в нашей девочке стальная воля и иммунитет к мнению толпы?

– Совершенно не вижу логики между нищетой, уроками политинформации и детским восторгом.

– Так окислялась медь, отторгающая заветы закаленной стали! Потерянное поколение, лишенное основ и светлого будущего, хаотично балансирующее на развалинах эпохи Советов.

– Ох, давай оставим эту патетику сознательным детям Оттепели. Мучения стали в поколении «П» уже никак себя не проявляли. То было сборное луговое разнотравье на давно поднятых целинах. Росло, как придется, без идейных подтекстов. Свободно росло, дико, но свободно в ожидании перемен. Пусть уж этим занимаются политологи и социологи.

– Тут я, пожалуй, соглашусь. Киру не волновали ни Советы, ни перемены. Она всегда росла вдали от центральных аллей и цветников, ближе к горным вершинам, за которыми легко было укрыться от дикости себе неподобных. Но даже это не всегда спасало.

Помнишь? Как-то раз классе в седьмом назойливые мальчишки увязались за ней от самой школы. Сначала шли поодаль, потом нагнали, окружили, начали вырывать пакет со сменкой. Кира шипела и фыркала на горе-кавалеров, отбивая несчастный пакет из их заботливых рук. Надо было позволить себе снизойти, но куда там. И эта столь малая гордость обернулась знатной затрещиной. Пакет в ходе борьбы порвался, да так, что кисти девушки вдребезги врезались в проходящий мимо столб. Первые шрамы свободного выбора смуглая тонкая кожа хранила долго.

Затем последовала еще одна затрещина: незаслуженная двойка по математике. Совершенно ни за что! Учитель, от которого у нее дрожали колени, так оценила отказ прилежной ученицы говорить громко у доски. Слезы. Отвращение к уравнительным мероприятиям любого характера.

Вскоре отгремела зычно воспетая Цоем и Летовым перестройка. Школа превратилась в лицей, а пионеры – в вольную субкультурную массу. Памятные надписи на алых галстуках, привезенных из бывших оздоровительных лагерей, были погребены в советских чемоданах на дачных чердаках. Десятки смен и отрядов слоились в ворохе черно-белых и цветных групповых фото, на которых с легкостью узнавалось лицо с фирменными ямочками. Сотни линеек и тысячи глаз. И ни одного Германа.

Воспоминания о детстве и юности были болезненно-отрывистыми: развод родителей, переезд, чужой двор, чужая

школа с углубленным изучением чужого не французского, а почему-то английского языка. Эта мамина авантюра с поступлением в языковую школу походила на экстренный прыжок с парашютом с покрывающейся лавой скалы. Лавой и парашютом одновременно была мама. Она подбадривала дочь, хвалила ее, нанимала репетиторов, всячески сама помогала осваивать азы второго иностранного языка, но о том, чтобы бросать свою затею и переводить дочь в обычную школу по соседству с домом, и речи быть не могло.

– Ты быстро втянешься, всё получится, вот увидишь, – говорила София Михайловна после первых, по понятным причинам неудовлетворительных оценок за грамматические тесты. – Ирина Викторовна и Неллли Дмитриевна понимают, что ты пока не можешь написать тест больше чем на три, но обещают, что уже к марту ситуация изменится и начнутся пятерки, к которым ты так привыкла. Потерпи, пожалуйста.

Ника поморщилась и подытожила:

– Кира, конечно, потерпела, потерпела и еще раз потерпела. Она вообще была чемпионом терпения к своим пятнадцати годам. И она, конечно, справилась и повесила первый тест с пятеркой над столом на почетное место рядом с «Царевной Лебедь».

Обстановка со сверстниками во дворе имела куда более сложную траекторию. Никаких тебе парашютов и поблажек она не предполагала. Особым маршрутом лег на Кирину тонкую душевную организацию роскошный опыт бойкота со

стороны соседских девчонок с, как это принято теперь называть, троллингом и буллингом по полной программе. Случались времена, когда девушка боялась выходить одна из квартиры, понимая, что на лестничной клетке ее поджидают безбашенные подростки, подогретые среднегорячительными напитками. Она видела однажды, как они избили девочку с десятого этажа только за то, что та, воспитываемая отцом-одиночкой, неопрятно одевалась. Это было жуткое зрелище, за которым последовало добровольное заточение, девичьи дневники, фортепиано, гитара и книги. Время тянулось неопределенно медленно. Осень, зима, весна восьмого класса, скучное лето в деревне, осень, зима, весна девятого, бесполезное лето на даче, осень десятого и наконец Он.

Сава пропустил кульминационное «наконец Он» и продолжил убедительно раскрывать образ предположительно главной героини предположительно будущей повести:

– Носителям одного, то есть родного языка сложно было представить, как Кире удалось уместить всего за год в своей творческой, а значит, хаотично организованной голове строгую аналитическую структуру языка, которую ее новоиспеченные одноклассники изучали целых восемь лет. Но английский, благодаря развитому правополушарному мышлению и знанию языка из той же индоевропейской языковой семьи, усваивался без особых проблем и, в целом, казался ей даже немного примитивным. Вот вам латинский алфавит (ничего нового), вот понятная система времен (таблица ви-

села на стене у письменного стола месяцев пять и встроилась на ура в нейронную сеть), вот падежи (проще простого). Смешно сказать, всего два артикля, не восемь, как во французском, и не двадцать восемь в еще более диком немецком варианте, изучение которого началось в десятом классе. Вот простейшие степени сравнения прилагательных, сносная система наклонений и отглагольное существительное со смешным названием «герундий». Незамысловатая фонетика, на 60% заимствованная из французского языка лексика и полное отсутствие диакритических знаков. Детский конструктор было собирать в разы сложнее, чем осваивать этот международный и общепризнанный вид коммуникации.

За смелость и старательность, с которой Кира сначала летела вниз, а затем парила над долиной знаний, невидимые хранители наконец решили обратить внимание на свою нетребовательную подопечную и послали ей на удачу добрых, понимающих учителей. Они помогали новенькой, верили в нее и ни разу за четыре года не нарушили ее личных границ.

– Зато их системно нарушали одноклассницы, – меняя направление мысли, добавила Ника, – которые шпарили на трех языках во всех временах и лицах, и мужавшие буквально на глазах одноклассники, недвусмысленно глазеющие на новенькую в упор.

Здесь надо отдать должное Софье Михайловне. Она пахала, забывая о себе, не зная отдыха и простых человеческих

радостей, бралась за любую работу (а ведь в то время с работой было не густо, с деньгами и подавно). Трудное было время. Софье Михайловне приходилось выкручиваться повсякому, содержать семью, давать дочери всё необходимое, оплачивать дополнительные уроки и курсы. Именно она тогда настояла на вузе с языковой специализацией и сделала все, чтобы помочь Кире поступить.

– И Кира поступила!!! – перехватил нить повествования Сава. – И ей было впервые очень-очень интересно и легко учиться. Она старалась как можно больше записывать на лекциях, особенно по страноведению и истории мировых культур. С раннего детства влюбленная в литературу, студентка теперь зачитывалась более пикантной французской и итальянской прозой, которую увлеченно преподавала совершенно замечательная миниатюрная Светлана Львовна вместо дородной вдохновенной школьной Оксаны Маратовны. Стихосложение, которым однажды в школе вместо рецензии одаренная ученица покорила литераторшу, в институте Кира не применяла.

– Точно, она уже в школе писала наивные девичьи зарисовки, – хихикая, подтвердила паркующаяся, – давай дальше ты сам. Я доехала, пойду кормить своих. А ты продолжай, пожалуйста. Гладко так всё складывается.

– Хорошо, – доедая овощи, согласился соавтор, заварил высокогорный зеленый, налил его в любимую селадоновую пиалу и вернулся к новому для него, но уже полюбившемуся

сочинительству:

– В институте то было лишним. Там вообще не нужно было расчищать место под солнцем. Однокурсницы были настолько погружены в свои к тому времени уже взрослые процессы, что им было наплевать, пишет ли твоя соседка по паре в рифму или левой рукой. Группа подобралась сильная. Большинство студенток, напрочь испорченных интеллектом, отрицательных эмоций к Кириным ямочкам и способностям не испытывали. Мальчишек на курсе было всего двое, и оба заняты, делить и красоваться было не перед кем – шансы на конфликт приравнивались к нулю.

С первого же семестра отличницы задали высоченную планку, и Кира практически без усилий смогла держаться за нее до самого «красного диплома». Французский с английским в пяти вариациях, латынь, языковедение, психология, страноведение, культурология – это был рай для ее гуманитарных мозгов. Учеба шла гладко и местами даже весело. Il est à noter… (стоит отметить), как любила говорить грамматистка, Кира сама не заметила, как пролетело пять лет первого высшего, а за ними еще два с половиной года второго.

После защиты диплома в инязе Кира почти сразу поняла, что филология сама по себе – это не профессия. Учителем, как мама, быть как-то не хотелось. Переводчиком при малограмотных толстопузых бизнесменчиках тем более. Скукота, да напрасное растрачивание бесценного ресурса. К языкам нужно было что-то прикладное, то, что могло бы обеспечить

ее потенциальное одиночество комфортом и уютом. К тому моменту Кира уже была немножко замужем за Марком, но ее мысли и попытки «выйти с пляжа» были весьма частыми и настойчивыми.

Так, вслед за переводческим был получен второй диплом, журналиста-международника, и предприняты робкие шаги на пути к искусству мыслетворчества. О, если бы не работа, в которую Кира с первого дня нырнула с головой, если бы не 12–14 часов каждодневной занятости, если бы не горящие дедлайны и зловредные редакторы и заносчивые юристы и прочее, она бы вряд ли смогла столько лет заглушать мысли о Германе. Пять лет после института были распаханы креативом, засеяны субординацией и нескончаемым списком задач.

С Германом в ту пятилетку Кира случайно встречалась не чаще пары раз в год. Униженный ее тройным отказом, о котором читатель узнает позднее, молодой человек всячески избегал встреч и старался стирать их из памяти максимально действенными психотропными веществами.

Еще накануне второй пятилетки их невзаимности, году в 2003-м Кира раздобыла, благодаря встрече выпускников, номер Германа. Много раз она нажимала на кнопку «вызов» и тут же сбрасывала звонок. Ей так хотелось дотянуться до него, пусть не встретиться, но хотя бы услышать его голос.

Мобильная связь тогда только начинала заявлять о своих правах. В мире не существовало мощнейших смартфонов и

отсутствовал мобильный интернет, люди переписывались со знакомыми, используя стационарные компьютеры и кнопочные телефоны. О мессенджерах в середине нулевых знали не многие. Самым популярным инструментом общения на тот момент была аська (ICQ), следом шел QIP. Первые соцсети появились в России с 2006 года, WhatsApp создали уже в 2009 году, Viber – в 2010-м, Telegram – в 2013-м.

Но Кира не была сильна в высокотехнологичных вопросах и долго использовала обычный формат сообщений. При этом первая мобилка у нее появилась только в конце пятого курса, а стоимость связи по тем меркам и ее скромному заработку была почти роскошью, поэтому сообщений этих было совсем мало и использовались они только для экстренных нужд.

Герман, конечно, как раз такой вот самой экстренной нуждой и являлся. Но смелости написать ни с того ни с сего у бывшей одноклассницы не хватало.

После одной из первых долгих разлук, когда Кира переживала острый приступ одиночества, она решилась на отправку сообщения, которое не могло уже ничего исправить. Кира хотела лишь проверить, ответит ли ей Герман. Ей так хотелось убедить себя в том, что она просто больна одиночеством, а не больна отсутствием Германа, что она может без него обойтись, что всё это надуманное головокружение и зыбь под ногами при произнесении его имени ей только кажутся.

Герман в свою очередь был уверен, что Кира не просто может без него, но и вовсе забыла о его существовании. И все же откликнуться на ее зов он был готов в любой момент. Нет, он не ждал его, но очень надеялся на случай. В том убойном сообщении Кира не звала Германа. Она написала то, что в раз уничтожило и его готовность, и его свободу: «Я жду ребёнка. Прости. Люблю тебя». Это было ее первое озвученное «люблю».

Сообщение дошло. Ответа не последовало. Осознание его отсутствия в тот же вечер выплеснулось лакмусовой истерикой в ванной и на следующее утро, и… Проверила и убедилась, в общем, Кира в диаметрально противоположном. Отсутствие Германа звенело с той проверки многоголосными вариациями с каждым днем всё громче и яростнее в ее голове.

Марку расшатанное состояние объяснялось гормональными перепадами. Ничего, мол, особенного, обычные беременные заморочки. Эту очередную потерю в виде отсутствия реакции Германа разделить Кире было совершенно не с кем. Она старалась заглубить ее как можно дальше, чтобы оградить от своего помешательства стремительно развивающийся плод, который уже начал подбадривать будущую мать легкими толчками и внутренним диалогом. Нужно было быстрее научиться переключать волну с «Где ты, Герман?» на «меня ждет другой мир и другая я». Девушка накупила кучу мамской литературы, записалась в бассейн с морской водой,

баловала себя массажами и заморскими фруктами.

– Арник, время!!! Я побежал. Отправил тебе сырой текст, поправь на свой манер, как только ты умеешь. – Сообщение было получено как раз в тот момент, когда мамочка уложила всех деток, поужинала и открыла «рукопись».

– Беги, Форест, беги, – по привычке благословила она Савушку на очередное преодоление себя и уткнулась обратно в текст.

– До встречи в очереди за молоком. Пришли потом, что получилось. Я запишу для тебя аудиосказку на ночь, – ответным прощанием подмигнул Сава, а про себя вздохнул:

– Всё, мужик, пора в лес и бежать пока есть силы, пока в голове есть хоть одна мелкая посторонняя мысль. Нужно выжечь всё до последней песчинки пороха, который забил голову, нужно прочистить свечи, – думал мужчина, затерянный в городских лабиринтах, запахивая куртку.

Dictum est factum. Тусклые фонари освещали не только верхушки сосновых лап, но и сутулую спину Савелия, входящего в лес. Он шел по лыжне, и в планах у него было пройти не количество запланированных кругов, как делают это мальчики с пижонскими электронными фитнес-браслетами, а идти, пока не потемнеет в глазах и ноги не станут ватными, до Полярной звезды идти.

В сумерках лыжник сел в машину. В голове была блаженная пустота. Машинально нажимались педали, крутился руль. Лыжи были брошены в машине до утра, ботинки и

куртка оставлены на полу в прихожей. Сава рухнул на кровать и глубоко уснул.

ГЛАВА 3. Бери – лепи

Il mondo dietro ai vetri sembra un film senza sonoro
E il tuo pudore amando rende il corpo tuo più vero
Sei bella quando vuoi
Bambina, donna e poi
Non eludeudi mai
È così che mi vai.

Soli, Adriano Celentano

Марк – основа основ. С раннего детства он был лучшим из лучших. Знаете, бывают такие мальчики-капитаны? Так вот Марк был настоящим, лучшим капитаном. Несмотря на отсутствие военных в семье, Марк был нетребователен и даже аскетичен. Комната его всегда была в уставном порядке. Вещи в шкафу разложены ровными стопочками. Обувь начищена. Посуда вымыта. Отец, дальнобойщик, дома бывал урывками. Виделись они редко. Единственным, что их объединяло, была страсть к машинам. Эту страсть Марк унаследовал на генетическом уровне вместе со стремлением оказаться наедине со своими мыслями.

Чуть повзрослев, лет в четырнадцать, юноша начал примерять на себя роль добытчика, уговаривал старших приятe-

лей брать его с собой на подработку, вскоре уже ловко управлялся с шиномонтажом и покраской кузовов. Парень быстро осваивал полезные мужские ремесла. Руки у него росли из самого правильного места. Дома всегда всё было отремонтировано, заменено, всё всегда работало. Замок поменять, кран, или стиральную машину подключить, да хоть новый дом с нуля построить – всё у него получалось быстро и четко.

Учителя любили этого улыбчивого, толкового парнишку, пусть и не раз журили за прогулы. Говорили про него: «Светлая голова схватывает всё на лету, но шалит, оболтус».

Марк вообще умел всё делать играючи. Кира сразу это отметила и подумала:

– Как же повезет его жене, легко будет с таким. Вот бы мне такого.

Подумала, сдунула ресничку с правой кисти прямиком в небесную канцелярию. В тот день там трудился особенно ответственный регистратор входящих. Он грамотным росчерком переправил пожелание на исполнение, и совсем скоро в статусе напротив него загорелось зеленой отметкой «задуманному быть».

Познакомились будущие супруги за год до поступления Киры в иняз дождливым осенним вечером после курсов. Девушка вышла с одногруппниками на крыльцо, прикрытое коротким козырьком. Стихия заливала переулок непроходимой рекой. Зонт по закону подлости предательски висел дома в коридоре. Соседку по парте, Лизу, уже ждал парень.

Он накрыл ее своей курткой, и они побежали к машине. Все остальные будущие языковеды поспешили к метро так быстро, что Кира не успела опомниться и присоседиться к чьему-нибудь зонту. Она стояла теперь одна, курила и ждала, когда кто-то выйдет из оставшихся в здании и поделится с ней укрытием.

Вдруг машина, в которую села Лиза, моргнула фарами, и соседка по парте крикнула в щель приоткрытого окна:

– Давай к нам, промокнешь.

Садиться в чужую машину было страшновато. Лизу она знала всего несколько недель, ухажера видела пару раз. Но болеть уж очень не хотелось в начале учебного года, поэтому Кира поспешила в салон зеленой девятки. Оказалось, что внутри помимо известной парочки был еще и водитель, коротко стриженный, ироничный Марк. Обаяние его тут же развеяло страх, и девушка назвала свой адрес:

– Да, ладно? Правда, Усиевича?

– Ну да, а что? Далеко?

– Да нет. Просто я на Часовой. Выходит, мы с вами в одном районе. Значит, будем дружить.

С первой же встречи Кира взяла красавчика на заметку и томилась в ожидании дня, когда заветный трофей окажется у ее ног.

– Разве так могло быть? – спросила саму себя Ника вслух. – Разумеется, нет. Такие, как Кира, и не надеются, что на них хоть кто-то обратит внимание, не загадывают невоз-

можного и ничего похожего ждать не могут. Пусть лучше будет так:

Желание Киры было зарегистрировано еле различимой надеждой на то, что Марк хоть раз посмотрит в ее сторону. Мысль была брошена вскользь и тут же забыта ее автором, но не регистратором. Для него такие вот мысли были лакомым кусочком. Искренние бескорыстные волеизъявления направлялись в отдел особой важности на оперативное исполнение.

И вот совсем скоро Марк посмотрел на Киру раз, затем еще раз и вскоре ни на кого, кроме этой милой, стремительной, легкой, звучно поющей и играющей на фортепиано девочки, он уже не смотрел. Через пару месяцев теперь уже влюбленный юноша отправил свое твердо озвученное желание быть рядом с ней всё тому же регистратору. И тогда уже их обоюдность была отмечена статусом «встречно задуманному быть».

Ох, какое же это было счастье исписывать блокноты его именем, ждать встреч после курсов, украдкой касаться его ладони, сидя рядом в машине в тени ветвистых тополей, ходить вместе точить коньки, часами болтать по телефону и не бояться выходить одной из квартиры. Она спрятала за плечами Марка свою странность и непохожесть и отныне была под его всеми признанной защитой. Какое же счастье было обладать самой красивой и хрупкой девчонкой, оберегать ее, прикасаться к ней, целовать ее, балдеть от ее прелести и

невинности. Их счастье было разным с самого начала.

На момент знакомства Марк учился в техникуме по специальности «автомеханик». В девяностые поток иномарок быстро набирал обороты. Это было то самое перспективное направление для дальновидного Марка. Да и любил он пропадать в гаражах, перебирать старые тачки. Возвращать их обратно в строй.

Все удивлялись самостоятельности и не соответствующей возрасту сознательности парня. Другие вон, кто у родителей на шее висит до тридцати, а кто спивается, едва окончив школу. А наш сам шел своей дорогой и ни от кого не ждал ни поддержки, ни помощи. Уверенно шел, не спотыкаясь, словно бы знал всю свою жизнь наперед, будто бы уже тогда видел себя владельцем крупного дилерского автоцентра.

Помимо прочих достоинств у красавчика, казалось, были способности ко всему: готовил вкусно и с выдумкой, всегда был душой компании, в футболе – первый, в игре на гитаре – лучший. Девицы по нему сохли и сами кидались самцу под ноги. Природный магнетизм Марка моментально подчинял себе всех, кто находился в его поле зрения. Мечта, а не мужчина. В чем тут подвох, шестнадцатилетняя Кира еще не понимала. Но не было сомнений, что такой боец далеко пойдет. Мощнейший потенциал. Перспектива! Бери и лепи.

Так девушка и поступила, едва закончив одиннадцатый класс. Пока несравненный Герман всё ходил вокруг да около, искал или избегал причин и поводов для встреч, сомне-

вался, опасался, а часто просто слонялся без дела, Кире хотелось жизни: событий, перемен, активного исследования и познавания. Психоэмоциональный ритм того самого особенного, самого непонятного, самого желанного Германа никак не совмещался с ее стремительным желанием жить взрослой самостоятельной жизнью. Девушка была уверена, что этот кареглазый умопомрачительно вкусный мистер «всезнайка» никогда не сможет ускориться и оторваться от своих друзей и маминой опеки. Что вся его глубинная трагедия (черт знает, в чем она заключалась), весь его бездейственный подход к жизни («пусть будет как будет» или «всё само как-нибудь решится», или «бесполезно менять и меняться, мир рухнул, и я вместе с ним») – всё это никак не способствовало их сближению. И пусть на уровне общности восприятия и на уровне моментального сцепления того, название чего девушка тогда еще не знала, Кира с Германом сливались в единое целое, едва они пересекались взглядами, пусть эмоциональные децибелы зашкаливали от одних только по большей части невинных мыслей друг о друге, не говоря уже о коротеньких моментах близости – их общее будущее было так же нереально, как если бы Герман разучился убегать от ответственности и возлагать решения важнейших задач на авось. Он просто не умел жить иначе. Незачем ему было уметь. Бабушки, дедушки, мама и даже до целых семнадцати лет папа – все носились вокруг единственного чада с бубнами и плясками. Велосипед хочет – пожалуйста, магнитофон – вот тебе, джинсы

пятые – без проблем. Образцовая семья. Бабушка – медик, дедушка – летчик-герой, папа небольшой, но начальник, мама в министерстве. К чему напрягаться в такой компании? Германа всё более чем устраивало. Добиваться, взрослеть, вставать на ноги ему было ни к чему. Футбол, диван, музыка, книжка – эти невинные подростковые страсти владели Германом до появления его основной страсти. Но об этом позже.

А Кира не умела жить так невыносимо медленно и бесцельно, как Герман, и не хотела размазывать свою жизнь по бесконечному бутерброду под названием «подожди, как-нибудь потом».

Ох, уж этот Герман… ему было, во-первых, страшно получить отворот поворот, при этом еще и будто бы лениво и напряжно даже задумываться о том, что Кира ждет его, и что ему надо бы хоть разочек-другой обернуться в ее сторону, по-мужски уверенно вглядеться в нее, обнять, почувствовать ее трепет. Вместо этого их первый поцелуй на выпускном на глазах изумленных был таким, словно он украл его, словно ему нельзя ее целовать, будто запрещено показывать, что он претендует на ее близость. Укоряющие взгляды тех, кто знал и донес Герману об отношениях Марка и Киры, связывали молодого человека по рукам и ногам.

В автобусе на подъезде к дому Кира смотрела в окно с такой тоской. Она знала, что завтра ей придется вернуться к Марку, делать вид, что всё замечательно. Девушка понимала, что ни завтра, ни через неделю Герман не решится по-

звонить и пригласить ее хоть в кино, хоть на край света и не осмелится спросить о причине тоски в ее глазах. Он же увидел ее в них, он не мог не увидеть.

Увидел и осмелился не позвонить, а явиться с подарком на семнадцатилетие, спустя не неделю, а пять дней, и был любезно отправлен Кирой восвояси по причине ожидающихся гостей. А что еще ей оставалось делать, когда с минуты на минуту должен был прийти Марк? Кире почему-то казалось, что они убьют друг друга, если окажутся в одном помещении вместе с ее растерянностью и неспособностью сделать выбор.

– Сама виновата, – корила себя Кира, прижимая к груди шкатулку Германа и провожая его взглядом через окно, – не говори потом, что он ничего не сделал и не решился. Ты и только ты причина того, что он ушел.

– Занята она, видите ли. Будто я не знаю, что она занята. Ну, раз так, навязываться я не стану. Переживу, – бурчал себе под нос Герман. – Занята так занята. Не бегать же за ней, в конце концов? Если бы я был ей нужен, она бы отменила всех своих гостей.

В тот день обиженный Герман твердо решил забить на все свои не озвученные даже самому себе надежды на Киру. В тот день с грохотом всех своих ста девяноста сантиметров молодой человек приземлился на бордюр возле продуктовой палатки, выкурил за два часа пачку сигарет, запивая каким-то горячительным из маминых запасов, неуверенно

встал и, пошатываясь, направился изучать аспекты взрослости за рамки Кириной видимости. По сути, просто отказался от своего недоформулированного желания и от несбыточной мечты о Кире, вытеснив ее суетой и вседозволенностью.

Ну, и Кира тем временем уже шла взрослеть в противоположном направлении, в настойчивые и такие понятные объятия Марка. Через два месяца после выпускного, отчаявшись дождаться весточки от любимого, прихватив с собой подаренную им недавно шкатулку, студентка первого курса иняза переехала к Марку. Не то чтобы она горела желанием поскорее выскочить замуж. Вовсе нет, но дома же был натуральный балаган. Мать познакомилась с каким-то кавалером и бессовестно три раза в неделю устраивала личную жизнь на маленькой кухонке. Кире совершенно некуда было деться от вечного бардака и чужих ботинок, шастающих по коридору. В однокомнатной квартире ютились три взрослых человека, не считая собаки. Она просто сбежала от коммунального хаоса. Благо, было куда бежать.

А вот почему Марк выбрал Киру? Почему он без тени сомнения принял ее в свой дом, пошел против матери и всячески ее оберегал? Это так и осталось загадкой. Он мог позволить себе любую.

В девушке тогда не было ни толики сочащейся тридцатипятилетней сексуальности, запечатленной знающей вкус удовольствия Кирой в первоклассном фотоархиве, ни женской мудрости, ни материнской заботы. Сплошная застенчивость,

хрупкость, легкость походки, звонкая улыбка, ямочки, крепкая не по годам воля и жесть характера, помноженная на огромное желание добиваться всего самой. Хотя, стоит признать, с поддержкой такого мужа, как Марк, добиваться было довольно просто.

Скоро освоив новую роль гражданской жены, Кира принялась строить планы, а Марк с удивительной готовностью бросался их реализовывать. Молодой человек, несмотря на свой лидерский нрав, старался ни в чем не перечить своей избраннице. Но Кирина эмоциональная незрелость, вечное желание какого-то движения, обиды, что это движение не происходит с желаемой скоростью, острое недовольство немыми упреками гражданской свекрови не позволяли приступить к формированию даже фундамента их семейных отношений. Кира часто плакала ни с того ни с сего. Причин не объясняла. Понять ее было невозможно. Несколько раз девушка взрывалась, собирала вещи, хотела уйти, но Марк, Марк всегда останавливал ее. Обнимал крепко-крепко, и Кира затихала. Да, и идти ей было некуда.

После подобных сцен девушка подолгу стояла у окна. Не плакала, просто смотрела куда-то вдаль. Марку было тревожно за нее в такие дни. Он даже не догадывался тогда, куда она так пристально смотрит. Много позже муж узнал, что там вдалеке виднелся кусочек дома Германа. Того самого Германа, которого она так ждала, которого искала во всех мужчинах всю свою жизнь.

В моменты нервных срывов девушка то и дело брала в руки шкатулку, любовалась ей, перебирала бусины от сломанного маминого ожерелья, ставила ее на самое видное место в комнате, и никому не позволяла к ней прикасаться. Пару лет спустя Марк узнал, что шкатулку ту подарил жене тот самый долбаный придурок, которого он часто встречал у ее подъезда. Доброжелатели сообщали ему по-братски время от времени, что видели Киру вместе с каким-то высоким челом, но мужчина никогда не придавал этому значения. Где он, а где Герман? Это даже смешно.

С характером своей крошки Марк вскоре примирился и перестал реагировать на ее извержения. А потом умаявшаяся Кира, окончательно осознав, что Германа в ее жизни не случится, особенно после встречи на скамейке под дождем, позвала своего настойчивого в законные мужья, и молодые начали готовиться к свадьбе.

После замужества Кира немного успокоилась. Первый год царила полная идиллия. Супруги заканчивали высшее образование, устроились на постоянную работу, радовались первому дивану, одеялу, телевизору, телефону, поездке на море. И всё бы хорошо, но Марк стал периодически задерживаться на работе и злоупотреблять, мягко говоря. Снова начались ссоры. Кира на дух не переносила алкоголь, так же как и храп перебравшего ночами напролет. С той поры девушка привыкла спать с головой под подушкой и жутко бесилась, если муж будил ее под утро призывом к супружеско-

му долгу. Так день за днем прошли еще три года.

И вот, наконец, семье достался бесценный дар провидения – Марк получил в наследство от бабушки потрепанную квартирку на другом конце Москвы. Это был их первый настоящий дом. Пусть маленький, пусть в кирпичной девятиэтажке, но свой, куда всегда хотелось возвращаться. Это была настоящая перезагрузка их заблудившихся совместных мечт.

Наступил недолгий период тихого семейного счастья, вдали от окон Германа, натолкнувший Киру на мысли о ребенке. Марк, не раздумывая, поддержал желание жены. Dictum est factum, по традиции легко и непринужденно, с первой же попытки. То вам не Герман, который наверняка сказал бы: «Пока не время, мы успеем еще, давай вернемся к этому вопросу после моей диссертации». С Марком такой даже самый непредсказуемый вопрос решился в считаные дни. Беременность пролетела быстро и без особых хлопот. Кира порхала, ела килограммами мандарины и мечтала о декретном отпуске. В сентябре молодые родители уже гордо гуляли с коляской по школьному двору.

Как уже упоминалось, Кира обладала совершенно неуправляемым нравом и заоблачными требованиями. Всё должно было быть идеальным. Такой маленький тиран-диктатор. Как только у нее появлялось что-то свое, одушевленное или неодушевленное, она к нему уже никого не допускала. Бабушки к дому и ребенку привлекались весьма дози-

рованно. Знаете, бывают такие семьи, где старшие верховодят, устанавливают свои порядки, поучают и живут жизнью детей. Тут об этом и речи быть не могло. Кира всегда сама решала, что, где, когда и сколько. С таким характером с ней старались не спорить. Тем более что Софья Михайловна рано отпустила дочь из-под крыла, не сохранив той особой ниточки, имя которой душевное тепло.

При этом все по-родственному старались помогать друг другу: старшие – с уходом за детьми, младшие – материально и по хозяйству. Но задушевности, знаете, такого огонька поддержки, принятия, нежности и задора в глазах, крепких объятий и долгих разговоров никогда не случалось. А ведь именно в глазах Германа она, как ей казалось, отыскала тогда, еще в школе, ту самую задушевность и теплоту. Именно ее она потом всю жизнь так пыталась вернуть. Платила за нее всеми правдами и неправдами. Со стороны это выглядело полным идиотизмом. Парень на нее чихать хотел, а она у него под окнами сидит. Вольфрам, а не девушка была эта Кира.

Марк же, напротив, был полон страсти, а страсти были полны Марком. Задушевность была ему непонятна и тягостна. Любовь для него сочетала всестороннюю заботу, материальное обеспечение и безудержный секс, что по большому счету было более чем достаточно для многолетнего плодовитого союза. Марк не умел выражать свое восхищение ни тонким вкусом, ни изящностью восприятия жены, не считал

нужным баловать ее комплиментами и подарками без особого повода, не любил быть интересным и трепетным. Холодильник полный, обои поклеены, новая машина под окном, интимная близость с горочкой – что еще нужно?

Но был и еще один маленький нюанс: Марк имел обыкновение распространять свои достоинства в комплекте или по отдельности на прочих многочисленных представительниц женского пола. Проще говоря, изменял жене направо и налево, вперед и назад, и во всех направлениях. Кира не просто догадывалась, а видела своими глазами, как женская часть рабочего коллектива смотрит на старшего менеджера отдела кузовных работ. Поначалу жена наносила неожиданные вечерние визиты в автосалон, после которых и стало очевидным, где и с кем, а главное, с какой целью муж проводит вечера. Ее дедукция и нюх вычислили неверность в первый же год их совместной, еще неофициальной жизни. Сказать, что для Киры это стало неожиданным знанием, было нельзя. Она никогда не верила в то, что станет для него единственно желанной. Она вообще не верила, что мужчины бывают верными. И этот факт ее не особо беспокоил до тех пор, пока элементарные приличия были соблюдены. Но после очередного вопиющего заплыва мужа к бортам из второго десятка Кира решила, что пришло-таки время запустить строительство «Нового дома», чтобы ненароком не выпустить в мужа оба патрона из ружья, ждавшего своего часа в чулане, или не съехать головой самой с то и дело прерывающихся семейных

рельсов.

Для начала была произведена зачистка приоритетов: плясать под дудку «Заказчика», кем бы он ни был, в ее планы больше не входило. Она почувствовала в себе, наконец, силы и желание самой «заказывать музыку», настраивать ее на свой лад, влиять на ритм и развитие мелодии. Двигаясь до двадцати шести лет в пределах допустимой скорости, крайне редко пересекая отметку 60 км/ч, наша девочка с легкостью теперь утопила педальку в пол и унеслась прочь из журналистского стана в стан издательский. Географически переместилась с Киевской в Замоскворечье. Унеслась, так сказать, одна, ни на кого не рассчитывая, ни с кем не советуясь, опираясь исключительно на окрепший внутренний голос и знаки, которые постепенно училась улавливать из эфира. Так, решение сблизиться с производством многотиражных изданий основывалось на трех последовательных сигналах, промигавших красной лампочкой high priority в коридорах ее подсознания:

Фильм «Часы» Стивена Долдри.

Внезапно обнаруженные дальние родственники-писатели.

Приглашение на работу в представительство французского издательства, которое запускало в тот момент крупнейшие международные проекты совместно с Министерством культуры.

Квантовый сознательный фактор как бы шепнул Кире на ушко на повороте третьего пункта:

– Вот оно!

Истина обнаруживала себя Кире задолго до того, как она научилась ее фиксировать, подобно пелевинским озарениям с видом на гору Фудзи.

Homo quisque fortunae! Каждый человек – творец своей судьбы! Это была ее новая цель – начать ее с чистого листа! Взять за правило подмечать старания провидения, с благодарностью удерживать его горизонт.

После смены профессионального вектора, параллельной смены места жительства, параллельной встречи выпускников по случаю десятилетия окончания школы – после всех этих последовательных трансформаций Кира осознала, что заброшенный на этапе котлована в отсутствие эмоционального «финансирования» проект «Герман» всё еще ждал своего часа. К кому, как не к нему, ей еще было возвращаться? Никакого нового персонажа вводить в сюжетную линию и в мыслях не было. Сложные задачи ее теперь не пугали, а лишь подогревали азарт. И девушка решила еще раз проверить то, что, казалось, не нуждалось в проверке, – свою нужность Герману – и запустила обратный отсчет.

«Создание нового дома» оказалось типичным для эпохи Собянина долгостроем. То никак не выделяли место под пятно застройки, то проектные организации банкротились одна за другой под давлением кризисов жанра и моральных принципов. Одних только согласований и одобрений надо было получить на пять жизней вперед, не говоря уже про утренние

аудиенции в небесной канцелярии, чаепития с мамой Германа и мощение брусчаткой периметра радиусом два километра вокруг объекта. Генподряд пришлось менять трижды. Дурь и лень всё дальше и дальше отодвигали сроки сдачи объекта. Где-то на этапе монолитных работ кредиторы задрали ставки до небес. Пришлось сокращать косты, рефинансироваться, то и дело приостанавливать работы. Новоиспеченный инвестор Кира почти распрощалась со своими аналитиками и консультантами, которые в унисон твердили, что рентабельность проекта бешеная, что скоро наступит благоприятный период, что они уже договорились о льготных условиях и нашли среди знакомых надежных партнеров. Но это была утопия. «Дом» на третьем году жизни никак не желал обретать предусмотренные проектом заветные очертания.

ГЛАВА 4. Если друг оказался вдруг

Волна бежит на этот берег.
Волна бежит и что-то бредит.
И звезды падают за ворот,
И ковш на небе перевернут.
И в голове смешались мысли,
И босиком с бутылкой виски
Мы изучаем этот берег,
Волна бежит и что-то бредит.

Танцуй! Сплин

И не друг и не враг, а так…

У обоих, Марка и Германа, с друзьями не клеилось. Слишком высоко оба метили, наблюдали за муравейником подчеркнуто небрежно. Как с такими дружить? Лишь когда дело доходило до бухла и телочек, тут уж они снисходительно смешивались с простыми смертными.

Особенно юный Герман позволял дружить с собой вернее верного, и так же верно потом презирал хитросделанных приятелей. Друзья ведь они до поры, пока не догонят, что ты круче или твои родители круче, или еще что-то у тебя круче, чем у них. На этом дружба заканчивается либо пре-

вращается в старый добрый дружеский паразитизм. Найти себе ровню на Соколе Герману, с его летающим по заграницам дедом-героем, было так же невозможно, как побрататься с Марком. Разве мог быть кто-то круче Германа, кроме самого Германа? В этом небожитель был абсолютен. Ближе к совершеннолетию желающих в этом убедиться становилось всё меньше. Прочухав этот прискорбный факт, находчивый наш стал чаще косить под обычного дворового парня, чтобы спрос с него стал меньше, ибо ущербно тухнуть в одного.

В ослабевающем максимализме третьего десятка паразитизм боец старался не замечать и крайне оберегал даже особо ушлых, если они не парили ему мозг и не трындели особо громко за спиной. Нет, то были вовсе не районные подъездно-дачные тусовки со «вписками». Да, и с придурками из класса было покончено довольно скоро после выпуска. Основные друганы нарисовались в Военном Университете. Сколько же было выпито и употреблено в те буйные годы! Сколько статей УК проверено на опыте на спор! Сколько дури и азарта было в ту студенческую пору! Было о чем вспоминать, что хотелось переживать снова и снова. Правда, было и то, что требовало постоянного системного форматирования диска.

Свой в доску, рисковый, легкий на подъем и махач, раз за разом пропуская подставу за подставой, Герман то и дело оступался во внезапно возникшую пустоту там, где еще вчера, казалось, была дружба. И всё бы ничего, и свыкся бы, и

вернулся бы на исходную, как тут же подоспели со своими загонами белка со стрелкой да нелепая мадам с косой.

Курсантов часто видели вместе, часто слышали, как один за другого горой. Бывало, проколется один, двое его вытаскивают наперегонки. Лихая была троица. Вместе в самоволку, вместе отжать себе поляну подальше от начальства, вместе на пересдачу, от и до вместе. Герман за них и в огонь, и на гауптвахту, не раздумывая. Но где-то на исходе четвертого курса парень почувствовал песок на зубах и острый душок надвигающейся беды. Такой начался замес, что на отдельную главу хватит и не в этой книге. Если в двух словах, после очередной гауптвахты Герман в сверхсрочном порядке перевелся в гражданский вуз, и началась лафа сказочная. Год до диплома пронесся на вольных щах, и вот уже бывший курсант был переполнен бездельем и взрослостью. А парням из ВУ везло меньше. Многие по распределению на пять лет загремели в Мухосрански и Кукуевки. Контракт есть контракт. Кому нужна была вся эта служба?! Ради чего?! Одной маме Симе известно. Патриотизм родился вперед нее.

А дальше забирали по одному. Первым разбился Громов. Летел с парнями на девятке в надежде не пропустить легендарный махач «Спартак» – «ЦСКА» на Китай-городе. Опоздал… вылетел, как кони на мясо, на встречу в лобовую с КАМАЗом. Победу наши отпраздновали уже без форварда и четырех преданных фанатов красно-белых.

Вторым был Рыжий. Ровно через год. После выпуска папа

в чине пристроил сына в прокуратуру в Астрахани. Тепло, сытно было под боком у родителей в родном городе. В тот день боец по нелепой случайности был дежурным. Сильно за полночь позвонил зампрокурора и сказал, что надо срочно ехать в Элисту забирать разбуянившегося шефа, пока он там никого не покалечил. Смерть Рыжего констатировали в семь утра на трассе без признаков аварии или экстренного торможения. Машина вылетела с дороги, перескочила двухметровую канаву обочины и врезалась в столб. По всей видимости, парень просто уснул за рулем.

Последний сон Рыжего затянул мартингал на шее Германа до предела. Склонный к дедуктивному анализу, молодой человек понимал, что следующим будет он. Но когда? Снова через год? Через месяц? Когда? Почему?

В ту осень в параллельной реальности Кира отчаянно звала Германа. Но он ее уже совсем не слышал. Перепуганный до смерти, он старался гнать от себя дурные предчувствия собственного исхода. Искал поддержки у Серафимы, которая заверяла сына, что всё это не более чем совпадение. Уговоры маман не очень-то помогали, потому Герман сбежал на дачу и в конце третьей недели заточения догнал, что нужно резко поменять направление. Следом пронеслись увольнение из наркоконтроля, сокращение до минимума употребления дури, заморозка большинства прежних знакомств и связей.

– Только бы сработало, – часто повторял загнанный уже

давно не курсант. По сути, это был его первый сознательный и правильный выбор – свернуть с «road to nowhere» на «не дождетесь». Ни через год, ни через два ничего трагического не произошло, а ровно через три родилась Вера. Ее появление будто отвело от обреченного прицел. Выживший перестал видеть скользящую красную точку на кармане рубашки всякий раз, когда он садился в чью-то машину. Но отключить системную блокировку так и не вышло. Собственный автомобиль стал для Германа табу на долгие годы.

Молодой отец теперь позволял себе иногда встречаться с немногими из оставшихся однокурсников и коллег. Некоторые даже были переведены в статус близких, но таких настоящих, как Громов и Рыжий, больше так и не встретилось. После, но никак не вместо них были социопатичный Толик Жидков, специалист по бытовой поэзии и сокрытию правонарушений, да Богданчик-одуванчик, богослов и православ.

Нет, Герман их не выбирал, это они вились вокруг его радушия и щедрости, кайфовали от его пофигизма и цинизма, ухахатывались его чувству юмора, стремились к его одобрению и наставлению, потакали его бескомпромиссности и примеряли на себя его бойцовский дух. Жидков даже еще до женитьбы жил у Германа больше года на всем готовом без особой благодарности и участия в бытовых вопросах.

Серафима как-то рассказывала Кире, как она однажды вернулась с работы, а на кухне – Толик, доедает кастрюлю борща в новых штанах Германа. Женщина она была интел-

лигентная, но едкая, и давай с порога разносить оглоеда:

– Почто новые штаны с сына снял, бездельник? Своих, что ли, нет? Мусор бы вынес хоть разок да картошки купил. Супы да котлеты уминаешь, а за электричество не приходит тебе в голову заплатить?

А Герман, курящий в форточку, ей тихо так в ответ:

– Мои штаны, кому хочу, тому и отдаю. Картошку я вчера купил. Мам, ну, чего ты?

Иждивенец сопел и помалкивал, а всю дорогу завидовал Герману, что тот знает больше, умеет круче, везет ему чаще и сходит с рук, что умудряется не влезать в долги и жить по средствам, что умеет держать ухо востро и имеет на всё свое мнение, что не гонится за баблом и тачками, что жену приучил, что холостяцкие выходные – это норма, а слово мужа – закон, что не жизнь у него, а малина.

Богдан же крутился вокруг да около ради внеочередного доступа к германовским мозгам и тренировки собственных куда более скромных возможностей. Второй друг немного тише, но всё же испытывал брожение от образцовой семейственности Германа, от женушки-милашки из Минкульта, отличницы дочки, от фирменного германовского адеквата и быстрой адаптации к переменам.

– Если б мне так везло… тебе, вон, само всё в руки плывет, даже и напрягаться особо не надо. А я на месте топчусь. Да, еще эта Горгона Тамаровна запилила меня вконец, – сетовал Одуван на женушку, одноклассницу Германа и Киры.

Самому Герману завидовать было нечему. Он был по-детски рад даже такой сомнительной компании. Легко с ними было, местами надежно, местами даже кайфово. В душу не лезли, прикрывали, когда надо, не мелочились, и, главное, они были от Германа в полном восторге, признавали все его достоинства и не травили недостатки. А большего ему и не надо было. Остальные претенденты в друзья со временем самоустранились: кто разъехался по городам и далям, а у кого тупо уехала кукуха.

Поначалу троица часто зависала на даче Германа, мальчишничая и испытывая возможности различных психотропных веществ. К концу третьего десятка – когда Толик, вопреки всем диагнозам, наконец, стал показушным мужем и отцом и алчным любителем азартных игр, а Богдаша, набравшись ума-разума, решился на развод, влюбившись в богатенькую одиннадцатиклассницу (собственную ученицу), – общих тем для исследования не осталось. Дружба поутихла, а после вороватых выходок Жидкова Герман решил окончательно покончить с их номинальным единством. Богдан оставался поблизости еще пару лет, а потом отвалился сам собой, подписав брачный контракт с бывшей ученицей, молодой наследницей сети продуктовых магазинчиков.

С Марком всё было гораздо проще. У него не было друзей никогда. Этот одиночка был не готов кому бы то ни было доверить свои планы на жизнь. Приятели в курилке были, собутыльники в подъезде, институте и на корпоративах

присутствовали, но настоящих и верных – ни одного. Все зачатки дружбы резко обрывал то передоз, то цирроз. Время от времени Марк вступал в короткое сближение с теми, кто был ему нужен по работе или кто мог помочь с техническим оснащением его жилищ. Домовитый и хозяйственный мужчина постоянно что-то строил, достраивал, обустраивал. Но по мере завершения очередной стройки общение прекращалось.

В возрасте Христа Маркуша поплыл в очередной тайский загул, где случайная любительница расширения сознания загнала тайком в стакан мачо предельную концентрацию «стрекоз». Если верить таким вот любителям, то и православное ЛСД, и богомерзкий доб и «стрекозу» можно впихнуть куда угодно и кому угодно. Речь идет о микрограммах. Беднягу вело дня три. По официальной же версии, Марк объяснял свое состояние внезапным просветлением и трансформацией из чертенка в святошу. Киру, склонную к гораздо более медленной, чем у Германа, но всё же дедукции, было не провести. Она точно понимала, что, даже если это просветление и могло бы быть, оно бы выглядело не так очевидно нелепо. Но это не помешало жене сделать вид, что она принимает официальную версию.

После выхода из сумрака необходимость в бытовом общении для Марка, казалось, вовсе отпала. Он плотно встал на путь отречения и очищения всех аспектов себя. Кому могли быть интересны нравоучения и достижения Марка в ЗОЖ?

Нет, страждущих не нашлось. Сказать, что он страдал от их отсутствия? Вовсе нет. Не о чем было страдать. Марк с детства был сам по себе. Жена, дети, дом заменили ему потенциальную потребность в друзьях. После сорока Марк часто признавался Кире, что она его единственный за всю жизнь нажитый друг.

* * *

Прохаживаясь в зелени Цветного бульвара, Сава долго считал гудки, пока Ника искала в сумочке телефон. Он смотрел на редких в этот послеобеденный час прохожих, на их озабоченные, в основной массе угрюмые лица, вялость осанки и широкий шаг, переводил взгляд на улыбающегося уличного музыканта с пустым чехлом от гитары у его ног, оборачивался на стук каблуков по граниту, искал память о своих упущенных мечтах. Ника так и не ответила, но перезвонила через 10 минут:

– Привет, прости, была за рулем. Как ты?

– Привет. Об этом потом. Я вот что хотел спросить. Про штаны и картошку ты сама придумала?

– Какие штаны?

– С сорок второй страницы. Я просто увидел это так живо: Герман стоит у окна, курит, выслушивает материнскую мораль и обдумывает, как бы ему на следующий день найти предлог, чтобы попасть в дом напротив, чтобы успеть на десять минут Кириных сборов.

– А-а-а, конечно, не я придумала. Всё так и было. Так же

как и не ты придумал про щи.

– Хитро. До щей еще дожить надо. Они только в пятнадцатой главе.

– Какие наши годы. Доживем. Сам-то как?

– Идем по фарватеру вдоль мыса Доброй Надежды. Штормит.

– Держись, я заеду в пятницу, ставь чайник.

ГЛАВА 5. Убойная

Мне приснилось небо Лондона
В нем приснился долгий поцелуй
Мы летели вовсе не держась
Кто же из нас первый упадет

Небо Лондона, Земфира

– Гер, я всё никак не пойму, как она тебя терпит? – вдруг озадачился Богдан после исповеди о своем сексуальном опыте с малолеткой, добивая второй косяк на терраске дачи Германа.

– Ты о ком?

– Ну, случайность по имени Люся, ставшая зачем-то частью твоей жизни. Как там у Довлатова, помнишь: «Татьяна взошла над моей жизнью, как утренняя заря. То есть спокойно и красиво, не возбуждая чрезмерных эмоций. Чрезмерным в ней было только равнодушие. Своим безграничным равнодушием она напоминала явление живой природы…»

– Да хер его знает. Как-то терпит, – неожиданно откровенно ответил Герман, скручивая третью порцию.

– Недолго ей осталось, – хотел было добавить хозяин, но сдержался.

Люся – это боль. Тихая, хроническая боль Германа.

Это создание было уготовано для него на всякий случай по образу и подобию его единственной, несравненной Киры. Девушка действительно походила на оригинал. У нее был озорной наивный взгляд, изгибы радости на щеках, темные волнистые волосы, милые повадки, но… что-то пошло не так, и совсем скоро после августовских дачных прогулок стали неотвратимо резать восприятие неуклюжий профиль и походка уточкой, унылое подобие чувства вкуса и такта, уверенно помноженные на неряшливость, сварливый, мелочный подход к жизни и полное отсутствие чувства собственного достоинства. Вдобавок ко всему девушка мучилась от вечно больного желудка. От нее исходил пресно-кисловатый запах. Но эти и прочие особенности, не входившие в планы заядлого прожигателя, не остановили Германа, когда тот самый всякий случай произошел.

Сначала стечение обстоятельств предъявило ему драгоценную Киру в компании Марка. Парочка шла по улице, молодой человек старался согреть озябшую спутницу, накидывая ей на плечи свою куртку, обнимал ее, выглядел довольным обладателем прекрасного. Тогда-то уязвленному Герману срочно приспичило обзавестись подобием не менее успешной личной жизни. Ну, а когда Кира совершенно издевательски уведомила Германа о скором появлении на свет ее первенца на пятом (пятом!) месяце благополучно протекающей беременности, земля вовсе ушла из-под ног на тот

момент подающего надежды юриста, младшего лейтенанта наркоконтроля в запасе. Молодой человек, казалось, провалился, как внезапно проваливаются жители острова Танэгасима в гигантские трещины от подземных толчков. Мир рушился, человечек падал, размышляя попутно, что надо бы как-то извернуться и рассечь себя надвое, чтобы часть, пропитанная ароматом корицы, навсегда сгинула, а остаток его сумел ухватиться за омерзительную реальность. Надо было научиться жить в четверть вдоха, едва наполняя кислородом грудь, покуда хватит сил. Иными словами, всего себя целиком откромсать, стало быть, оставив лишь тень Германа, под которой бы укрылись цепкость ума, смятение души, презрение духа и распущенность зависимости от всего, что заслоняло его напрочь отбитое сознание и удерживало в состоянии отрешенного безучастия ко всему, чем будет наполнена его дальнейшая жизнь. Подумал и незамедлительно покрылся чешуйчатым панцирем от макушки до пят.

Люся – звенящая пустота со взглядом брошенного щенка. Знаете, как колокол внутри. Эта пустота обычно слышна издалека. Она как бы издает звон, похожий на эхо колокольного. Так и от этой девушки исходил похожий монотонный гул.

Еле дотянув до среднего диплома, она стараниями папы (а папа у нас был из доблестных рядов МВД) как-то умудрилась стать на пару семестров студенткой средненького, но всё же юрфака. Перспектива вырисовывалась шикарная: закадрить пятикурсника и родить на втором курсе. Но сомни-

тельное для невыдающихся способностей дочери папино решение разбилось о первые судмедпрактики.

Далее наступила очередь не менее амбициозных маминых решений. Театральный вуз! Природных и приобретённых за невеликий жизненный путь данных Люсеньки едва наскреблось на факультет менеджмента сценических искусств, но зато в поднебесном ГИТИСе. Расчет был на то, что приглянется какому-нибудь государственному чину, пристроит ее к себе под крыло – и mission completed. План был хорош. Переулки Тверской располагали к заоблачным мечтам о сытой жизни. Посему серенькая такая, юркая белочка не столько училась праздничному ремеслу, сколько посещала лекции исправно в поисках мужа строго по расписанию. Учиться там особо было нечему, так что сессии удавалось закрывать успешно на твердую троечку.

Лето же девица в основном проводила на той самой дачке, где по оплошности служителей Вездесущего обитал по соседству доблестный Герман. Ее мимолетная внешняя схожесть с Кирой была настолько очевидна, что герой не мог отказать себе в удовольствии. Кроткая (как ему тогда показалось), чуть полноватая (в отличие от его стройной и гибкой Кирочки) шатенка с острым подбородком и милыми ямочками прильнула к Герману с первого взгляда. Тогда он даже не мог предположить, как пискляво она может вопить и швырять в него все, что попадет под руку, как она по глупости будет лезть на рожон в совершенно неженских вопросах, как

она будет оскорблять его и его мать, как потом извиняться и спускать на тормозах все его загулы и нежелание возвращаться домой, как невыносимо пусто и нудно будет рядом с ней все предстоящие двадцать лет. Как он будет терпеть ее, а она его, лишь бы обоих не осудили за развод и лишение ребенка нормального детства. Как уже после того, как дочь вырастет, им будет легко наконец расстаться. Герман не мог даже отдаленно представить, насколько он будет сожалеть, да и Люся тоже, что не сделали этого раньше и не дали друг другу возможности попытаться отыскать настоящее взаимное светлое чувство или хотя бы обрести, наконец, равновесие истинного свободного полета.

Через неделю после Кириного смс о беременности у Люси был день рождения, на котором Герман напился до беспамятства и наутро проснулся с ней в своей постели. Что произошло, помнилось смутно. Люся довольно ходила по его даче в тапочках Серафимы, пила чай из его чашки и критиковала неудачное расположение дома на узком участке, из-за которого в комнатах было темно, особенно в то хмурое утро.

Платон (сын Киры) появился на свет на четыре месяца раньше Веры. О досрочном рождении дочери Германа, равно как и о его вынужденной женитьбе на Люсе Кира понятия не имела. Она вообще ничего толком о нем не знала целых три года, будучи полностью уверенной в том, что ему плевать на нее. Много лет спустя, анализируя события его жизни, Кира поняла, что он тогда, после ее сообщения, будто с цепи со-

рвался, безоглядно взрывая за собой все пути назад. Герман решил, раз так, пусть у него тоже будет ребенок от похожей на нее какой-то там удачно подвернувшейся. И пусть Кира знает, что ее Герман прекрасно без нее обойдется.

Здесь всё же следует вернуться лет на восемь назад, когда Кира и Герман еще учились в одном классе. Герман с детства был дико застенчив и одновременно блестяще эрудирован. Это был совершенно особенный юноша. Его карий взгляд обволакивал теплотой и спокойствием. Кире всегда было умилительно уютно быть поводом для его сияющей улыбки. Когда Герка на уроках литературы рассуждал о Маргарите и ее любви к Мастеру, Кира, сидя в соседнем ряду у окна, замирала, сосредоточив взгляд на раскачивающихся кистях берез, вслушиваясь в заветную глубину его голоса, восхищаясь витиеватостью его манеры выражать свои мысли. Будущему филологу было важно и то, о чем, но то, как он говорит. С таким рассказчиком, как Герман, было всегда невероятно интересно. Ни одного более любознательного человека Кире за всю жизнь так и не встретилось.

В классе Герман всегда сидел в среднем ряду, и почему-то всегда вполоборота, и получалось, смотрел на нее в упор так, что она не могла ни пошевелиться, ни перевести взгляд от окна дальше стола учителя и доски. Кира ловила его увлеченность боковым зрением, хоть и сидела ученица в том ряду у окна не одна, такая вся немая и завороженная. Его взору был предоставлен целый спектр юных львиц, и некоторые из

них уже давно мечтали прогуляться с ним по саванне.

К слову сказать, тогда Кируша этого не замечала и уж точно не думала про саванну. Ее мысли трепетали от германовского владения собой и словом. Она восхищалась тем, как столько слов можно так ловко и быстро компоновать в роскошные полотна, которыми впору украшать величественные замки. Им невозможно было не восхищаться тем самым первым и чистым наивным восторгом. Когда она, миниатюрная, с детства привыкшая замыкать строй, робко приподнимала правую бровь, видя его высоченную кудрявую макушку в начале строя на уроках физры, ее почему-то переполняла гордость и всё тот же восторг. Позже ей приходилось даже держать рукой капюшон, когда по дороге домой февральским солнечным днем она запрокидывала голову, глядя на него в надежде на поцелуй. Случалось, что девушка вставала на скамейку, чтобы…

Впрочем, это уже потом. Тогда Герман решался только провожать ее до дома, сумбурно предлагал нести рюкзак. Кира сопротивлялась, разумеется, но рюкзак передавала с радостью.

«Ладно. Пусть идет, раз хочет, рядом, но никаких до подъезда, только до угла дома», – ворчала она про себя, стараясь скрыть волнение. Издевалась, короче. И ей это даже нравилось. Нерешительность Германа не позволяла распознать и почувствовать в нем и толику бурлящего за фасадом многословия желания. А он всё ходил и ходил рядом, пока в один

зеленеющий прохладой день, гонимый бурей подростковых гормонов, парень не набрался смелости, не позвонил и не пригласил ее на прогулку. Осчастливленная некстати опаздывала на курсы английского, докрашивала ресницы и плохо его расслышала, бросила только:

– Да, да, давай как-нибудь потом.

– Может в четверг, в шесть?

– Хорошо, извини, я убегаю сейчас.

Ликование Германа было недолгим. Через пару дней она вспомнила, что это «как-нибудь» как раз вот уже наступило, выглянув в окно проверить погоду и увидев его у подъезда, слава богу, без цветов. Шел дождь. А он всё стоял там и мок.

Кира металась по комнате, искала зонтик, потом выяснилось, что ее любимая юбка в стирке, потом тушь закончилась, а мама заняла ванную комнату на целых пятнадцать минут.

«Ну, зачем он стоит? – думала Кира. – Под дождем… Ну, пусть хоть под дерево встанет, под козырек».

Когда она, наконец собравшись, выглянула в очередной раз… В общем, не дождался он ее «как-нибудь», не смог, не захотел. Герман пораженно ушел, прихватив с собой дождь. И тут ей, этой маленькой, растерянной девочке, пожалуй, впервые в жизни стало дико стыдно и гадко смотреть на свое отражение в зеркале. Она хотела позвонить, но поняла, что он всегда звонил сам и у нее даже нет его номера. Для читателей, родившихся в эру смартфонов, это прозвучит дико, но

тогда, в далеком 1997-м никаких переносных электронных устройств в квартире скромной учительницы французского не было. Вместо них был стационарный ящик с крутящимся циферблатом, стоял у всех на виду, никакой интимности не предполагал, как и функцию определителя номера. Просить телефон мальчика у одноклассников было пусть менее, но всё же стыдно. В общем, тот день был ее самой первой ошибкой. Этот бесконечный серый загубленный день.

Потом еще было много ошибок, но она почти всё с легкостью себе прощала. Эта же висела гвоздем прямо над изголовьем и цепляла ее то и дело.

Много лет спустя, когда она решила рассказать свою историю, Кира писала своему далекому невозможному:

– Я стараюсь скорее пролистать тот самый день, когда ты меня ждал. Как же мне стыдно, ты себе не представляешь себе насколько. Я ношу в себе это чувство всю жизнь. Мне, которой вообще неведом стыд.

– Давно заиграно, никаких последствий, – сухо отрезал Герман.

– У тебя никаких, а у меня вся жизнь через Берингов пролив из-за этого. Я всё себе с легкостью прощаю, все большие и маленькие отступления, но это… Это в толстенной багровой раме висит ржавым гвоздем над изголовьем, – повторила она саму себя в который раз.

Но вернемся в школьные коридоры. Время неслось стремительно в ожидании выпуска и шершавой ощупи будуще-

го. После дождя наш рыцарь стал реже поворачиваться вполоборота, реже высказываться и чаще вовсе отсутствовать на уроках. А потом был последний звонок, их первый поцелуй на корме, шкатулка, подаренная романтиком на семнадцатилетие, с которой малышка не расставалась три следующие пятилетки.

Надо отметить, что и другие парни время от времени оказывали Кире знаки внимания. Но она смотрела на них с недоумением и всегда давала понять, что ловить им нечего, всем, кроме пленительного Марка.

Марк сносил головы девицам одним легким прищуром, мягкой улыбкой и певучим бархатом. Его уверенная обособленность во всем, что он делал, умение быстро овладевать всем, что было ему по нраву, аккуратность и вдумчивость, бескомпромиссная настойчивость и даже напористость, какая-то безусловная надежность и твердость духа сделали свое дело.

Кира была просто ошарашена, когда Марк сказал, что ему не хватает ее рядом, что он хочет быть только с ней. Ее девственное восприятие никак не могло найти оснований для такого поворота событий. Ведь было же вокруг полно девиц с формами и умением себя продать. Зачем ему она понадобилась? Пожалуй, этот вопрос так и остался без ответа. Поверить в большую чистую любовь такого, как Марк, было крайне трудно. И девушка не верила, но решила принять его инициативу и посмотреть, на сколько его хватит. Терять было

всё равно нечего. К тому же, во-первых, она нуждалась в защите от постоянных нападок соседских девчонок, а во-вторых, любопытство родилось явно вперед нее. Оно настойчиво подталкивало исследовать всю прелесть ее мерцающей чувственности, заглянуть-таки по ту сторону взрослости и как можно скорее заполнить флакончик прерванной юности запретной россыпью полутонов. А Кире ведь было уже семнадцать. Сколько еще можно было ждать?

Посему Марку было легко завладеть своей прихотью. Так же легко первоиспытатели перешагнули конфетно-букетную черту, оказавшись прямиком в гражданском браке. Марк, он был такой понятный, прямолинейный, при этом интровертный и немногословный. Казалось, ему вообще никто рядом был не нужен. Ему вполне было достаточно его самого. Внутренний мир? Такого понятия в его системе не обнаруживалось. Зачем же его тогда так тянуло к Кире, с острой потребностью погружать близкого в ее глубины, позволять ему проникать в самые дальние лабиринты своего измерения? Может быть, как и Герман, этот айсберг не хотел особо тратить ресурсы на поиски? Искать, пробовать, ошибаться, восстанавливаться, снова искать – это же так утомительно, а секса хотелось регулярного и безопасного. На истерики невозмутимый молодой человек умело забивал в надежде: перебесится же рано или поздно. Поверить в то, что такой всеми возносимый орел полюбит такую всеми гонимую горлицу, было так же сложно, как в возможность распрощаться со

своим одиночеством. Никто таких привилегий новоиспеченной счастливице не обещал.

Собственно одиночество и не спешило так уж легко прощаться с Кирой. И уже через полгода Оно оглушительно напомнило о себе в то самое утро, когда налетело на Германа в автобусе. А потом на следующее утро в том же автобусе Оно зачем-то первым делом провело взглядом по всем пассажирам в поисках его глаз. А потом снова и снова. Оно искало его в проходящей мимо толпе, ходило пешком от дома до метро и обратно, потому что знало, что он так когда-то так ходил, и они могли случайно встретиться. Оно собиралось ему позвонить (телефон к тому моменту выучило наизусть), но никак не находило предлога. И уж точно Оно не сообразило (откуда Ему вообще это было знать?), что курсанты живут не дома, а в казарме, что Герман появляется дома крайне редко и что надеяться на такую редкость и случай просто глупо.

И тогда Они (кто бы они ни были) начали давать Кире робкие надежды видеть его хоть пару раз в год. Второй такой раз, после первого в автобусе, случился на встрече выпускников в субботу. В тот день Гера заливал неизвестное Кире горе так, что девушке было противно приближаться. Третий раз произошел во вторник утром, когда она, спеша в институт, кажется, был четвертый курс, втиснулась в вагон и уткнулась в до мурашек знакомую мужскую грудь. Курсант возвышался над окружавшей его компанией, по всей види-

мости, с ночи гуляющих спутниц и их громогласных спутников. Состав тронулся, он стоял близко-близко, вплотную к ее подбородку, и у него были виноватые глаза, полные нежности и похмелья. Любопытство в отношении Марка к тому моменту медленно, но верно сходило на нет, и Кире жутко захотелось оставленной под дождем печали. Герман сдерживал себя изо всех сил, чтобы не обнимать ее крепче объятий одноклассника, не целовать ее дольше на прощание.

В тот день молодой человек выяснил, где учится Кира, и придумал привлечь ее к занятиям французским языком с одной неспособной девочкой, дочерью гражданского мужа Серафимы (так он всегда называл маму). Иван Георгиевич позвонил Кире сам, всё обстоятельно объяснил и не дал ей шанса отказать. Теперь Герман знал, что каждый выходной она проходит мимо его дома, что она бывает там с трех до пяти, что можно сделать вид, что он зашел случайно, и насмотреться на нее целых десять минут, пока она будет одеваться и ждать лифт. А Кира теперь знала, что каждый выходной он может встретиться ей на пути, что звонок в дверь во время занятий может оказаться его звонком, что у нее будет целых десять минут, чтобы не успеть посмотреть ему в глаза. Так и случились пронзительные десять минут их четвертой встречи.

Как-то раз Марк уехал перегонять очередную тачку из ближнего зарубежья. Герман словно почуял это, позвонил ни с того ни с сего и сказал, что Серафима унеслась в неиз-

вестном направлении и у него есть совершенно банальный повод пригласить ее на дружеский домашний киносеанс. Вы можете себе представить, что Кира творила накануне этого сеанса? Маме сказала, что у друзей, друзьям – что у Марка, Марку – что у мамы. В общем, развеяла сама себя как дымку и улетела к Герману. В досмартфоновскую эру развеивать себя было проще простого. Никаких геопозиций, трекингов и прочей ереси еще не придумали. Никто и представить не мог, что наступит пора, когда нейросеть будет отслеживать твои передвижения, круг общения и таргетировать твои предпочтения. Чумовое было время.

Герман до конца не верил, что она придет, и когда раздался звонок в дверь, он спокойно ужинал на своей пятиметровой кухне, где, не вставая со стула, можно было включить чайник, достать из холодильника сыр и открыть окно.

Прийти-то Кира пришла, а вот что будет дальше, она понятия не имела, не знала, как себя вести, боялась слово вымолвить. Голос дрожал, в горле пересохло.

Герман уплетал какое-то непривычное для нее сочетание сладкой кукурузы с яичницей. (Потом она стала обожать эту желтую веселую еду.) Молодой человек предложил ей вина, зажег ароматические палочки, от которых у нее тут же разболелась голова. Да, и вино было лишним, голова и без того шла кругом и совершенно ей не подчинялась.

Потом они смотрели кино, надо отметить, весьма годное кино. Но Герман не приближался к этой маленькой прозрач-

ной девочке. Сидел на полу в позе с картины «Демон сидящий», изредка посматривая на профиль трепещущей в кресле Киры. Стемнело. Кира перебралась на диван, пока Герман готовил чай.

«Может, ему будет так легче скрыть смущение. При дневном свете он никогда ко мне еще не прикасался», – думала она и всё ждала, когда же… Ее ожидание звенело, ерзало, кипело и вдруг замерло.

Герман осторожно переместился к дивану, где, чуть дыша, сидела Кира, обнял ее колени, погладил их скользящими легкими поцелуями, от которых Киру подбросило, как от разряда тока. Девушка ловко поджала ступни и рывком забралась с ногами на диван, увлекая за собой Германа. Когда их лица поравнялись, вместо традиционного поцелуя они окунулись во всепоглощающее бесконечное объятие. Оно было настолько долгим и неподвижным, как будто они ждали его целую вечность. Затем, бережно взяв ее на руки, молодой человек отнес свое хрупкое счастье в спальню, где они снова не могли надышаться друг другом. Он ловил каждый ее нетерпеливый стон, каждый ее отклик, с наслаждением читал каждую нотку ее желания. Но в какой-то момент Кире стало так неловко от его близости, что она остановила это взаимное блаженство коротким «нет».

Герман был готов и даже немного рад такому повороту. Он и сам еще несколько минут назад думал о том же. Это же была их первая встреча наедине. Молодой человек хотел

растянуть удовольствие, узнавать ее медленно, смакуя каждую новую встречу. Поэтому настаивать на близости не стал, обнял целомудренно и не без усилия уснул.

Кира же не спала всю ночь. Она смотрела на своего особенного, гладила его волосы, целовала его плечи и старалась запомнить каждое мгновение той первой ночи рядом со своим счастьем. Она просто не понимала, как вот так сразу можно было в него бесцеремонно ворваться, как можно было не сказать «нет». Они даже не гуляли по парку ни разу, даже за руки не держались, это был их второй поцелуй. О каком «да» могла идти речь?!

Кира просто испугалась. Какая же это была ошибка, тот испуг, то смущение, та все еще владевшая ей тогда наивность. Второй гвоздь над изголовьем, который десять лет спустя она вспоминала рифмой в московском метро по дороге с работы домой:

МАЯТНИК

Все мои после и в начале
Насквозь пропитаны тобой,
Безвольно маятник качали
Порывы выбора… слепой

Давно я быть уж перестала.
Надеждой тешилась, но нет.
Я на свой первый опоздала,
Родной души теряя свет.

Стирали в пыль твои походы.
Как вдох секунды берегла.
Под зеленеющие своды
Меня к тебе тоска несла.

И всякий раз наполовину.
С приставкой недо- мы в друзьях.
Любимый взгляд вонзался в спину.
Всё по часам, всё второпях.

Кто остановит этот бег,
Чтоб в глубине той давней ночи.

Мое мучительное «нет»
Сменилось нежным «очень-очень».

После ее такого понятного ей отказа, и даже не отказа вовсе, а просто небольшой отсрочки, Герман исчез. Они совсем перестали видеться. Он не приходил на уроки французского. Прошел октябрь, ноябрь, потом Кира не выдержала и позвонила ему сама. Спокойно сказала, что у нее свободный вечер и что, если… в общем, он примчался через полчаса, словно они заранее условились и он успел предусмотрительно отложить все дела. Герман ждал этого звонка и понимал, что если он случится, то первое «нет» было вовсе не отказом. К тому же сразу после той ночи его задолбали нарядами вне очереди за дерзость и нарушение устава. Два месяца дома курсант даже не появлялся.

Когда Кира позвонила, Герман ушел в самоволку, несмотря на светившую ему за это гауптвахту. Примчался молодой человек не куда-то там, а к Кире домой (на фактический адрес прописки). До того момента никого домой, ну, кроме, разумеется, Марка, девушка не звала.

У влюбленных был всего один час, по окончании которого должна была прийти мама. Долгожданный час нежности без тени того первого стеснения и первого «нет». Вкуснейший час в ее жизни. Но завершить трапезу им снова не удалось, поскольку она была бесцеремонно прервана неожиданным возвращением Софьи Михайловны, которая, понимая,

что творит Кира за спиной у Марка, высверлила в Германе взглядом дырку с кулак, пока он спешно накидывал шинель. Воссоединенные выбежали на улицу, держась за руки, переполненные пониманием, что они вместе.

Стоял пронзительный бесснежный декабрь, но мерзлявая обыкновенно Кира совершено не чувствовала холода. Герман что-то, как всегда, непрерывно рассказывал, укрывал ее от порывов ветра, шел спиной вперед, чтобы видеть, как она смеется. А в это самое время Марк двигался им навстречу. Он увидел парочку издали, поднял воротник, отошел ближе к забору, чтобы они прошли мимо. И они прошли… еле касаясь земли, погруженные друг в друга две завороженные души, пролетели мимо третьей, униженной и готовой к мщению, и растворились в глубине московского метро.

Марк знал почти всех пацанов из района, и раздобыть координаты Германа было не сложно. Следующим вечером он не поленился доехать до казармы, чтобы растолковать козлу всё раз и навсегда.

Курсант привычно перемахнул забор, раскидистой походкой приблизился к противнику и, не шевельнув ни одним мускулом, кивнул в ответ на приветствие «Гагарина». Нет, драться с ним Марк даже не думал, хотя это была бы большая удача, если бы Герман врезал ему первым. Вместо этого, глубоко затянувшись и выпустив под ноги дым, Марк угрожающе произнес:

– Я тебе один раз скажу, а ты постарайся сразу вникнуть.

Она моя, и любит она меня, а с тобой она просто мне мстит. Так что отвали, пока она не увидела в тебе ничтожество, которое сейчас вижу я, – с максимальным присутствием духа произнес Марк, развернулся и исчез за углом.

Опустим подробности о том, чего стоило Герману удержать себя от рукопашной и уж тем более от ответа. Он разбил потом руки в кровь об какого-то первого попавшегося гопника, затем залил в себя несчетное количество какого-то мерзкого пойла до самой отключки.

После декабрьского свидания разлученные долго не виделись.

– Почему?! – Кира никак не могла понять, что это за сюрреалистические отношения, когда так заразительно вместе и так внезапно долго безжизненно врозь. Не могла же она сама всегда ему себя подносить на блюдечке. Не могла же она с чемоданом явиться к тете Симе с фразой «теперь я буду здесь жить». Он пропал, совсем пропал из ее жизни, а Марк, видя ее пустые глаза, понимал, что Герман его услышал.

Прошла зима и лето. Что значит жить без завтрашнего дня целый год? Знаете, каково это? Кира пробовала научиться жить как все. Девушка засыпала с чувством, что Герман отказался от нее еще до того, как захотел довериться и взять ее за руку. Она продолжала жить с Марком, утопая в бытовом кошмаре «коммунальной квартиры», в которой за закрытыми дверьми, с раздельными полками в холодильнике и графиком уборки общих зон, жили мама и сестра Марка с

трехлетним ребенком. Уже в том невеликом возрасте Кира интуитивно чувствовала, что от мужчины ничего хорошего ждать не надо, что с ним вступают в отношения, априори зная, что он предаст, что он враг. Революция, Гражданская война, Первая мировая война, Великая Отечественная, репрессии, 90-е. Мужчины всё время умирали, они оставляли женщин одних. Историческая память пульсировала обидой внутри нее, подкрепленная разводом родителей и алкоголизмом отца и деда. Да, она жила с Марком, но ничего хорошего от него не ждала. Более того, в любой момент была готова принять удар от его слабостей.

Время шло зачем-то, тянулось однообразными вечерами, пока новая случайная встреча не столкнула любящих лицом к лицу. В такую вот случайность сложно верить, ну, не бывает столько случайностей. Казалось, кто-то каким-то образом будто намеренно подстраивал все события, относящиеся к Герману.

В тот день Марк с Кирой ждали маршрутку. Им было лет по двадцать. Стояли в очереди, обсуждали телевизор или диван. Герман подошел, встал в хвост. Кабина забилась галдящими и дурно пахнущими пассажирами, молодежь села последней друг напротив друга. Вот это была засада. Колени Германа и Киры почти соприкасались, девушка в ужасе опустила глаза и еле слышно сказала: «Привет». Герман кивнул. Марк тут же принялся демонстрировать свои права: накинул на плечи гражданской жены свой пиджак, когда почувство-

вал локтем, что Кира дрожит. Обнял. Завел разговор о планируемом отпуске. Девушка не поддержала его энтузиазм и попросила перенести разговор на потом. А Герман, бедный Герман. Он был похож на живого покойника. «Спорт-экспресс», нервно сжатый обоими кулаками, испытал на себе всю боль и досаду своего обладателя. Так они и сидели все двадцать минут молча до пункта назначения. Двадцатиминутная китайская пытка.

Разумеется, Герман не переставал вылезать из всех тяжких. Он вымещал ее из памяти всеми возможными способами, насколько хватало фантазии. А Кира всё ждала, и ждала, и дождалась-таки дезинформированного Германа под окнами его же собственного дома. Она просто пришла туда, села на скамейку и сказала себе, что не уйдет, пока не загорится свет в его окне. А потом она поднимется и останется навсегда.

Поздняя осень, дождь, стемнело. Девушка сидела под зонтом и курила одну за другой. На исходе третьей к соседней скамейке приблизились женский и мужской силуэты. Его мурлыкающий голос, обращенный к спутнице, ошпарил кипятком Киру изнутри. Она не верила, она не хотела верить, что это был он. Ее бросило в дрожь, но она нашла в себе силы выдавить: «Добрый вечер, господа! Кажется, нам втроем здесь будет тесно!» – по-пацански тремя пальцами щелчком пульнула бычок и устремилась прочь.

Здесь еще можно долго вымучивать про то, как Кира ре-

шила жить ему назло, как она хотела, чтобы он пожалел о своем полнейшем бездействии. Ведь он ни разу не сделал ни одного самостоятельного отчетливого, решительного шага навстречу. Ни одного звонка (ну, ладно, два сумбурных звонка были, а толку?!), ни одного «прости, ты нужна мне», ничего. Он так легко распахнул настежь дверь ее одиночества, что у Киры не оставалось выбора. Его просто не было. Герман не захотел дать ей пусть даже самого малюсенького шанса, хоть одного заковыристого варианта решиться на примирение. Кира банально была лишней. Ну, а потом ему подвернулся Лютик. Или это уже тогда, под тем дождем была она?! Всё это уже было не важно.

Герман неделями зависал непонятно где, прикрывался универом, когда Сима приставала с расспросами, дружки разворовывали его душу, женский силуэт из дождливого вечера держался забавы ради на коротком поводке. Сима места себе не находила.

– Почему вы не позвонили мне? Ну, почему?! Я бы пришла, успокоила вас и его. Пусть бы он хоть на пятые сутки пришел, – говорила Кируша несостоявшейся свекрови спустя пару десятков лет.

– Давай, вали всё на меня, правильно, – язвила по-доброму Сима. – И чего ты бы мне ответила? Зачем вы мне, Серафима Михална, за чужого дяденьку горюете?

И они расхохотались до слез.

Это были первые пять лет их взрослой жизни. Первые

убийственные пять лет.

* * *

Сава нахмурился, сделал пометки на полях и отправил сообщение Нике:

– Давай обсудим «Убойную». Знаю я похожую Люсю. Только вот откуда ты ее знаешь? Я о ней тебе не рассказывал. Моя в банке работала и училась другому ремеслу. А так точь-в-точь Люся. Мистика.

ГЛАВА 6. Как получится

And I forget just why I taste
Oh yeah, I guess it makes me smile
I found it hard,'it's hard to find
Oh well, whatever, never mind.

Smells Like Teen Spirit, Nirvana

Сначала Герман хотел стать врачом, и даже параллельно с Военным университетом подал документы в первый мед. Но потом то ли экзамены в вузах были в один день, то ли факт того, что в ВУ его зачислили раньше объявленных результатов в меде… В общем, врачом он не стал. А ведь бабушка его, медицинский работник, прочила умнику успешную карьеру. Вместо этого он начал изучать право, что, надо признать, невероятно шло всему его интеллигентно-надменному складу.

Учеба была не сахар. После маминых котлет, кристальной чистоты родительского дома, после чрезмерной заботы о единственном чаде, поделенном на шестерых взрослых, – после всех этих радостей жизни казарма и устав серьезно ослабили курсанта веру в светлое будущее. Незаменимый навык сокрытия неугодных сведений, а попросту вранья с ли-

ста, очень здесь пригодился. Умения не привлекать внимания старших, выкручиваться из скользких ситуаций и манипулировать слабыми тоже были освоены достаточно быстро. Свободы никогда так не хотелось, как в те годы за забором. Одно было круто – форма, в которой Кира однажды его встретила. В форме он был сногсшибателен. У него даже повадки менялись, увереннее становился, жестче. Видно было, что он очень в ней собой гордился. И Кира гордилась, и оборачивалась с того дня на всех курсантов, и считала галочки на плечах, вычисляя номер курса, или звездочки на погонах.

Как-то раз в метро она стояла вплотную к фигуре в защитном текстиле, посчитала звездочки и прямо вслух произнесла: «Капитан…». Мужчина обернулся с улыбкой и пропустил ее вперед, ближе к поручню.

Герман не особо был погружен в учебный процесс и регулярно пытался соскочить из казенных хором, но его блестящая память помогала ему не скатываться до пересдач и особо опасных залетов. Были предметы, которые вызывали в нем живой интерес. К примеру, курс по судебной психиатрии и по судмедэкспертизе. В самоволку ходил регулярно. От нарядов и прочего уставного дебилизма абстрагировался. Были парни, которых гасило на исходе первого курса. Но нашего бойца было не сломить. Случались, конечно, время от времени моменты хандры, и подкатывало желание всех к черту командировать. Но он выстоял, обрастая с каждым днем непробиваемым пофигизмом и неуемным чув-

ством собственной правоты. Спорить с ним было бесполезно. Тут вам не Кира, перед которой расплывалось сознание. В мужском кругу он всегда был заносчив, категоричен и часто вспыльчив. По молодости пройтись по чьей-то физиономии считалось обычным делом. Правда, драчливость враз встала на дальнюю полку после первого нокдауна. Комичная произошла история на втором курсе, когда старший по званию щуплый курсант, принимая наряд, попросил широкоплечего, смотрящего с высоты сто девяносто на сто шестьдесят пять, домыть посуду.

– Да пошел ты, – только и успел выпалить Герман, толкая старшекурсника локтем.

Оказалось, что тот был чемпионом Москвы по боксу в суперлегком весе и вырубил всю германовскую браваду с одного короткого левой. А падать с почти двух метров – не самая развлекательная история. С того дня наученный старался держать локти и кулаки при себе и обходиться виртуозностью речи.

После диплома вольница показалась ему раем. Парень отрывался, как в последний раз. Тетя Сима сокрушалась от такой неприкрытой животной распущенности. И как же она радовалась, когда, наконец, приходила то девочка Оленька, то девочка Светочка. Мать всё ждала, кто же из них сумеет его усмирить. Никто не сумел. Кирина беременность развернула нашего на тот момент уже гражданского товарища на 334 градуса, окончательно выбила из него юношеский мак-

симализм и спровоцировала скоропостижную женитьбу на Люсеньке.

– А как ты хотела, Кира? – возмущался он много лет спустя. – Я что, должен был всю жизнь один жить, тебя ждать? У всех семьи складывались, дети. Я тоже решил, что пора. Ты же со мной не советовалась, когда решила стать матерью.

– Да при чем тут матерью. Ты же ничего не сделал, чтобы я была рядом. Ни одного малюсенького шага, ни одного значимого поступка. Топтался, топтался, всех вокруг топтал. На всех тебе наплевать было, кроме своего увеселения и возможности поспать подольше и пожрать посытнее. Ты ни разу не проявил себя как нормальный мужчина. Обо всем тебя всегда нужно, как раньше, так и теперь, просить и ждать годами, соизволишь ты или нет.

– А я не особо дорожу званием «нормальный». Я странный, я ж всегда тебе говорил и теперь не отказываюсь. Какие на тебе трусики?

– Герман!!! – всплескивала она обеими руками. – Зачем ты снова уходишь от разговора?

– Да, ну, я уже его слышал и ничего нового не добавлю. Так какие на тебе трусики?

Существо по имени Люся образовалось рядом с Германом в числе футбольных болельщиц дачных турниров. В Москве девица жила в другом районе, виделись они редко. Изворотливый наш всё списывал на работу и домашние дела, которых в помине не было. А года через три после института на

исходе очередной зимы Люся вдруг заметила ни с того ни с сего живой к себе интерес, такую даже легкую вуаль ухаживаний. И тут как раз так удачно пришелся ее день рождения. Герман всё рассчитал. Она, не избалованная знаками внимания, мгновенно развесила уши и отдала ему свои вовсе не невинные прелести. Залетела в ту же ночь и очень тяжело переносила радость бремени.

Ее воротило, разносило, наливало, скручивало… Мало того, что будущая мамаша то и дело лежала на сохранении, так еще и обострился пиелонефрит, а в довершение всех мучений чуть не отошла в мир иной в преждевременных родах. В общем, досталось девчонке. Муж, надо отдать ему должное, трясся над ней как ненормальный. Лазил к ней через забор после работы в больницу, когда не получалось убежать в обед, доставал ей лекарства, на руках носил почти всю беременность. Ну и, само собой, штампы в Грибоедовском дворце чин по чину проставили, да лепестки роз по Кусково разбросали, когда живот уже было не скрыть. Романтика!

Рождение Веры ненадолго сблизило молодых. Серафима даже временами подумывала, что всё налаживается: то завтрак в постель, то хохочут, то прощаются, когда Герман уходит на работу, с нескрываемой нежностью, то сын готовит особый ужин в игривом настроении, чтобы порадовать жену.

Но холостяцкие привычки скоро начали напоминать о себе. Новоиспеченный муж продолжал при первом же удобном случае сбегать от семьи к своей вечной любви по име-

ни «одиночество», которое ждало его с нетерпением на даче. Это было его убежище, его неприкосновенное всё. Он зависал там все выходные, все болезни и запои. Женушка поначалу всё моталась за ним, цветочки сажала, борщи варила. Ей хотелось вить гнездышко. А он позволял ей его вить в строго отведенном месте:

– Вот здесь копай, а тут не копай.

Практически пальцем не давал прикасаться к его ветшающей сторожке. Девушка обижалась, не понимала, почему Герман отдаляется от нее всё сильнее с каждым днём, отчего он так категорично холоден к ее простым желаниям. Жили они как бы параллельно. Каждый бегал по своим дорожкам.

Папа у Люсеньки, как уже упоминалось, был из рядов МВД и алкоголиков, мама – лаборант, что не могло не раздражать Германа и его маму Симу с их образцовыми генами авиаторов и медиков. К тому же этот папа настойчиво указывал дочери, каким должен быть мужчина и что он должен пожизненное поклонение его девочке и обеспечение всего-всего и даже больше. С этим «должен» Люся капризно обрушивалась на мужа каждое воскресенье после возвращения из родительского дома. Навещать родителей и пропитываться их недовольством зятем было неизменной еженедельной традицией:

– Папа сказал, что ты «должен» найти работу получше. Я не могу жить на эти копейки.

– Папа сказал, что ты «должен» купить машину. Что за

мужик без машины?

– Папа сказал, что ты «должен» проводить со мной больше времени вместо постоянных загулов на своей даче.

– Папа сказал, что ты «должен» купить мне еще одну шубу, прежней уже года два.

– Папа сказал, что ты «должен» сделать ремонт, а лучше купить нам в конце концов достойное жилье. Мы с Верой устали ютиться в твоей двушке.

– Папа сказал, что ты «должен, должен, должен»…

И так до бесконечности. И всё это с визгом и драматичными сценами. Следует отметить, она была мастером бездарных сцен. К примеру, однажды после работы муж встретился с однокурсником, которого лет пять не видел. Они сидели во дворе, под окнами, у жены на виду. Разговаривали, курили, смеялись, абсолютно трезвые. Люся никак не могла взять в толк, зачем они так долго разговаривают, почему муж не хочет поужинать с ней, ведь она так старалась и готовила весь вечер.

Нахватавшаяся мелодраматических манер у сокурсников с актерского, Люся накручивала свое возмущение всё туже и туже, названивала мужу каждые пятнадцать минут. Серафима Михална (супруги тогда еще жили у нее) пыталась успокоить невестку, объяснить, что разговор мужской не терпит суеты, что не виделись давно, что вон он рядом сидит, жив-здоров и даже трезв. Но Люсе в образе гарпии всё было как серпом по арфе. И когда воодушевленный Герман вошел на-

конец в крохотный коридор, жена с разбега вцепилась в него когтями, оставляя сукровичные борозды от скул до локтей. Мужик, коим в ее глазах он не был, впал в ступор. Он постоял пару секунд и, не издав ни звука, пошел в ванную обрабатывать царапины.

Но на этом истеричка не остановилась. Далее начался чистой воды фарс. Предположив, что Герман после такого срыва непременно вытрясет из нее всю душу, она мигом вызвала наряд милиции, пока муж интересовался содержанием холодильника, заявив (внимание!), что ее жестоко избили. Ничего не подозревавшие, шокированные поведением припадочной мать с сыном молча ужинали на кухне в тот самый момент, когда раздался звонок в дверь.

Время было позднее, Серафима Михална с опаской посмотрела на сына и припухшие следы атаки и поспешила открывать:

– Вечер добрый! Вызывали? – небрежно брякнул мужчина в погонах, прикрывая плечом хилого напарника.

– Не-е-е-ет, гражданин участковый, может, пошутил кто?

– Ну как же. Вот вызов: улица…, квартира…, Людмила Титова, сообщила о нанесении побоев.

Мать прикрыла рот рукой и махнула второй в сторону комнаты, где, накрывшись с головой, на диване лежала виновница торжества. Когда участковый попытался снять одеяло, она начала визжать, чтобы ее не смели трогать, чтобы все убирались вон. Убедившись, что побои были нанесены

мужу руками самой обратившейся, а не наоборот, участковый посоветовал поставить буйную на учет и удалился.

С тех пор Герман не просто перестал терпеть ее вечную неудовлетворенность, но и ввел в норму двухдневный отдых от всего и вся в своем стареньком загородном доме. Семья стала формальностью. Хотя Герман при всех своих, э-э-э… нецельностях был человек долга, и Люсю по-своему даже жалел. Знал, что однажды воспользовался ей, и немного винил себя.

Люся же не умела любить. Так бывает. Точнее, она любила только то, что возвышало ее же в собственных глазах, например театр. В то же время мелочно презирала свекровь за то, что та помогла найти ей постоянную работу в престижном месте, побывать на море, купить новую мебель и технику. Будучи абсолютно несостоятельной и беспомощной, вместо малой благодарности за заботу и усилия Серафимы Михалны, Люся не раз язвила:

– А что вы, собственно, такого сделали для меня? Устроили секретарем в один из кабинетов Министерства культуры. Это что, достижение великое? За что тут раскланиваться?

Сима за воротник за словом не лезла, искрометно обнажая невежество провинциалки:

– Ты, деточка, книжку-то почитай, которую тебе муж давеча наказал освоить. Там всего триста страничек. Ты осиль хоть четверть, может, и поймешь чего. И как это угораздило в ГИТИС просочиться и ни одного классического автора не

запомнить, кроме Лермонтова. Как его хоть звали, а?

Вместо сконфуженно опущенных глаз недоучка вспыхнула и выпалила полную ахинею, на глазах входящего на кухню Германа:

– Юрий Михайлович Лермонтов. Не хуже вашего знаю.

Сима снисходительно улыбалась, протягивая вышеупомянутую книгу невестке. Герман стыдливо сопел.

Люсю как осенний лист бросало то к одному, то к другому ухажеру. Главное было – удержаться на плаву, жить не хуже других, маленькими однообразными перебежками от дома до работы без цели, устремлений и порывов. Единственное, что на животном уровне она усвоила еще в юности, – это то, что у девицы должен быть муж и ребенок. Этим она обзавелась при первой же возможности, но роли своей не понимала.

Герман был человек сложносочиненный, своенравный и непробиваемый, как цемент. Бывало, правда, в нем просыпался жизнерадостный мальчишка, который умело и весело шутил, болтал без умолку о каких-то неведомых ей исторических личностях и событиях и даже напевал что-то, думая, что никто не слышит. Но это случалось редко, крайне редко. И редкость эта была чаще всего приурочена к встречам с Кирой или удачному раскладу в рабочих делах. В семейных вопросах Герман всё и всегда решал сам. Поэтому решения эти не отличались множеством и разнообразием. Позиция в отношении предложений жены была выработана монолит-

ная: «Тебе надо – ты и делай, а я работаю столько, что мне не до этого». Не желая получать очередной отказ, Люся либо подсылала к папе дочку и через нее пыталась выпросить прогулки, поездки, обойки или новый диван, либо играла на чувстве долга и ответственности:

– Ты хочешь, чтобы дочь запомнила тебя таким?..

– В твоем возрасте пора уже тебе…

– У многих детей папы участвуют в детских праздниках, а ты только на собрания ходишь через раз.

– Я устала обо всем думать сама, завтра восьмое марта, купи своей маме подарок.

Люсе часто казалось, что, если бы он не пришел тогда ни с того ни с сего на ее день рождения, если бы не то странное поведение, результатом которого стала случайная беременность, самой такого ни за что было бы ни увлечь, ни приручить. Даже если бы ей было дано испытывать искреннее и светлое, любить такую несдвигаемую глыбу было мучительно больно.

Поначалу она восхищалась им, заглядывала в глаза, старалась угодить, не понимая, что же ему в конце концов нужно от жизни. Вечно недовольный, снисходительный, упрекающий, а впоследствии равнодушный взгляд подавил ее пылкую влюбленность и сделал из нее заложницу собственных иллюзий. Она была не замужем, а как бы пожизненным обязательством мужа. Вероятно, она жила бы и с другим по аналогии, но Герман был отцом Веры и не уходил. Да и удобно

ей было с ним. Жила вольно, сыто, тепло.

Вот так всё и тянулось. Без особых радостей и больших горестей. Всё как у людей: котлеты, слезы, крик, ржавчина в ванной, молчание, полудохлые цветочки в треснувших горшках, пуховик, оливье, Кисловодск, даже машина потом появилась. Правда, подарил ее Люсе отец, а стаж вождения оказался непродолжительным, так как примяло ее КАМАЗом по неосмотрительности Люси. Хорошо хоть сама жива осталась. Были Минводы вместо моря, были одинокие холодные ночи, когда Герман не находил в себе сил и терял человеческий облик на несколько дней.

Люся плакала, сердилась. Мужчина и сам не понимал, как его так угораздило. Он ведь всё рассчитал, Люся должна была быть как Кира. Точнее, как придуманная им Кира, ведь настоящую он не имел смелости знать. Ему должно было быть пусть не кайфово, но хотя бы сносно. А она ей никак не желала становиться. Герман не мог жене простить ее пустоту, вечные претензии, визги примитивного восторга от сомнительных достижений подруг и стремление к внесемейному досугу с коллегами и друзьями детства.

Таких много вокруг. Вон, Зиночка из бухгалтерии один в один. Ну, и Люся такая, только смазливая. Ухажерам не делала мозг, и сводить ее можно было только в кафе, и брюлики не нужны. В Минкульте это ценили. И девица послушно ценила Минкульт. Не высовывалась, всем угождала, помогала, заслуживала звание «без нее как без рук», «лучшая делопро-

изводительница года», получала грамоты и ежегодные премии. Возможность хоть каким-то боком прикоснуться к театру восхищала девушку. И пухленькая ровненькая душечка искрилась, загоралась от любой деятельности, связанной с публичными личностями. Ну, и понеслась организация фестивалей да грантов, ремонты областных филармоний, проверка региональных отчетов, путевки в Торжок и, разумеется, чуть ли не еженедельные походы в московский партер.

Но вот однажды Люся психанула не на шутку. После очередной ночи в одиночестве лава унижения и обиды снесла остатки покорности и самообладания. Отверженность, проникшая в глубокое подсознание, всю ночь терзала ее тревожными снами и пробудила с первыми лучами, брезгливо скользнувшими по выцветшим занавескам неопределенной расцветки. Женщина такого же неопределенного возраста машинально встала с постели и направилась прямиком к антресоли.

Через считаные минуты спасительный чемодан, заполненный невеликим добром, замер в углу прихожей в ожидании прокурора. Последний, вернувшись под утро, соизволил приступить к своим обязанностям после полудня, проведя первую часть дня в душном гнетущем сне. Недовольно неся свое непросохшее тело в ванную, он вдруг зацепил взглядом посторонний предмет и громко хохотнул:

– О! Ты уже уходишь?!

– Где тебя снова носило? Ты бы хоть бы дочь постеснялся.

Айсберг невозмутимо поплыл дальше. Жена догнала его, швырнула кольцо в лицо, обругала попутно свекровь, и торжествующий прокурор выставил жену за дверь вместе с чемоданом с воплем:

– Уйди отсюда! Убирайся, я сказал!

Обомлевшая Сима удерживала себя за угол кухни из последних сил от подкатившего желания вымыть пол.

Три месяца свободы жились пьяняще восхитительно. Почти холостой Герман даже виделся с Кирой пару раз. Вере было всего три года. Она ничего не помнит об этом пикантном эпизоде ее биографии. Для нее это было чудесное путешествие к бабе Зине. Только папочка всё не приезжал, и Вера стала истерить, копируя поведение матери. Она требовала ласковых глаз отца на ночь.

Так долго ли, коротко ли мышь вернулась на борт «Титаника» и многие годы не осмеливалась даже смотреть в сторону антресоли. Она стала еще более пресной и безропотной. Временами, когда случалось нащупать нотки воли, те, что скорее из ряда подростковых капризов, Герман одним тяжелым взглядом пресекал ее баловство, и бедняжка беспомощно направлялась в ванную смывать тушь. Смывала и просеивала сквозь всхлипывания:

– Ну, вот за что он так? Я же совсем мало прошу. Почему он не хочет дать мне хоть эту малость? Что за семья такая? Почему я всегда одна да одна?..

Потом они тихо-мирно жили еще несколько дней. Тихо –

в смысле молча, совсем, без единого слова и взгляда. И всё забывалось само собой, и театр абсурда, штат которого предлагал ей лишь роль костюмера запасного состава, возвращал ее в повседневность.

Но какое-то постоянное проскальзывание в жизни, которое Люся и осознать полностью не могла, но чувствовала, злило ее. То одна знакомая выйдет по любви, то другая уедет за границу, то третья устроит сынка в МГИМО. А она по-прежнему. Министерские бумажки, антракты, быт, шопинг, маникюр и урывками ленивые поклонники. Жизнь текла меж пальцев. А кто виноват?

Изредка случалось, что Герман получал свою долю сполна, когда жена снова срывалась на крик, швыряла на пол вещи, посуду, заламывала руки и рыдала. А он терпел, как будто был слеп и нем. Не пронимало его. Лишь бы дочка не проснулась от ее воплей. Доведенная женщина хватала плащ и бежала на улицу. Возвращалась, опустошенная, поздно. В квартире была тишина. Темно. Всхлипывая, пила на кухне воду и проскальзывала под одеяло.

Муж спал, отвернувшись. И ей становилось так хорошо рядом с ним, с этим спящим материком. И всё прощалось и ему, и ей. Жизнь улыбалась ей в эти минуты, и она засыпала.

Время неспешно листало календарь. В год, когда Вера с гордостью пошла в первый класс, у Германа после тяжелейшего рака умерла бабушка. Внуку передавалась в наследство ее квартира и дача. Люська так обрадовалась:

– Вот, наконец, сейчас мы и заживем. Вот ведь оно, счастье. Теперь всё будет иначе, – наивно полагала она.

Но не тут-то было. Вместо счастья Герман запойно переживал очередную несовместимость с Кирой. Они сблизились в тот год, как никогда прежде. Оба испытывали острую потребность друг в друге. В воздухе витала взвесь нежности, обиды, ревности и влечения. Герман что-то опять напридумывал себе про то, что Кира его использует и играет. Любитель психологических наук то и дело проверял ее истинные намерения молчанием, а себя баловал теперь уже дорогой и быстродействующей отравой. Ну, а когда Кира явилась на очередную встречу одноклассников (надо отметить, что встречи эти были единственной санкционированной возможностью увидеть Германа, и девушка никогда их не пропускала, ненавидя при этом всех присутствующих и делающих вид, что они безумно рады ее видеть и делиться своими успехами) с многозначительным третьим животиком, Герман понял, что это очередной крах всего.

Какой там дом? Неужели ему было дело до дома? Ремонт, который было начали, приостановили до лучших времен. Буквально все хотелки супруги он спускал на самотек. За семь лет Герман так наелся ее капризов и претензий, что ему уже было абсолютно всё равно, что его окружает и как. Вечные недомытые тарелки в раковине, пакет мусора в коридоре, халат в цветочек – ну и хрен с ними. Одно спасенье – ножки под халатом были еще молодые, пусть и не такие

стройные, как у Киры. Герман стиснул зубы и настроил себя сохранять видимость семьи до совершеннолетия дочери.

– А там, может, Люся и сама свалит…

Жизнь превратилась в сплошной мартовский несезон. Родители продолжали отдаляться друг от друга. Мать старела, отец дремал. Только солнышко дочь росла, ничего не подозревая, и согревала их неудачный союз.

ГЛАВА

7.
Сердце
волка

If this world is wearing thin
And 'ou're thinking of escap'
I'll go anywhere with you
Just wrap me up in chains
But if you try to go alone
'on't thin' I'll understand

Stay, Shakespears sister

За полгода до долгожданного чемодана, с которым Люся отправилась в ссылку, Герман получил шанс услышать голос, живущий в его голове, в самой настоящей реальности. Встреча была приурочена к десятилетию выпуска.

Кира вошла в своей привычной летящей манере, еле касаясь каблучками каменного пола. Стрижка, короче школьной, была ей невероятно к лицу. Двадцатисемилетняя Кира в серых обтягивающих джинсах и легкой кофточке выглядела лет на десять моложе одноклассниц. То есть почти так же, как накануне выпускного. Герман силился не смотреть так

уж в упор, но, когда поймал ее улыбку, полную нежности и даже срывающегося смеха, обращенную прицельно на него, все старания пошли насмарку. Красотка без лишних вступлений прямиком подошла к жертве, обняла и легонько чмокнула в щеку. Это был удар ниже…

«Всё… – думал он, – это предел, я не могу это контролировать. Она такая же, совсем не изменилась, а ведь прошло столько лет. Она так пахнет, так смотрит на меня. О нет, она запустила ногти мне в волосы. Нет, нет, она шепчет мне на ухо, чтобы я не умирал. Она прикасается губами так, что это совершенно невозможно вынести».

Потом было такси, где он бессовестно к ней приставал. Голова от неожиданной прыти Германа побежала, но не забыла попросить водителя остановиться дальше обычного, на углу соседнего дома. Расчет был точным. В двадцати шагах от угла ее уже давно дожидался Марк. Пульсирующая Кира вышла из темного салона в не менее темный переулок, чуть пошатываясь, сняла улыбку с пылающего лица и с чувством выполненной миссии поспешила к мужу.

Вскоре Герман узнал, что у его Киры есть какой-то служебный ухажер. И не просто узнал, а прямо-таки был ошарашен заявлением:

– Спаси меня от него, забери меня, переключи, я больше не могу это выносить. Он же твое собственное слабое подобие. Я задумывала его таким, не имея возможности и ни одного повода, чтобы свалиться тебе как снег на голову со

своей любовью, штампом в паспорте и ребенком. Я была так долго одна.

Она писала ему длинные сообщения уже без каких-либо намеков и ужимок.

– Я так хотела видеть тебя каждый день, разговаривать с тобой, сгорать от того, как стремительно всё происходит, что буквально сгенерировала эти жалкие отголоски и позволила себе потерять равновесие, позволила нахально себя обставить, лишить себя воли и совести. Мне хотелось уходить из дома в ночь, и я это делала. А когда мне хотелось стереть с себя его руки, я использовала все средства без разбора. Я чувствую себя жуткой тварью. Очень слабо, правда, но все еще чувствую. Помоги мне, Герочка. Я очень тебя прошу.

Про Марка не было ни слова, как и про то, что всё это было одновременно с замещением тени Германа еще и мелкой местью за вольную жизнь мужа. (Не обманись, пристрастный мой читатель. То была месть не Герману, а Марку, месть с помощью антидепрессантов, и Герман к ней не имел ни малейшего отношения ни тогда, ни до, ни после. Не надо додумывать то, чего не могло быть.)

Герман цепенел от этих признаний, зверея от того, что его Кира могла до такого дойти, что она еще его в этом обвинять смеет. Но она так просила, что он не мог отказать. Он провел со своей улыбчивой звонкой девочкой полгода. Они обедали вместе, гуляли, ходили в кино. Мужчина помогал решать ее рабочие дела. Катался с ней по инстанциям, всячески согре-

вая ее заблудившееся сердце. Он шутил, подбадривал, осыпал комплиментами. Никто и никогда не умел так искренне восхищаться Кириным мерцанием, как Герман. Никто и никогда не видел его в спектре, доступном только ему одному.

В метро парочка старалась выбирать переполненные вагоны, чтобы быть как можно ближе и в то же время иметь оправдание в виде часа пик. В маршрутках он всегда садился напротив, чтобы как бы случайно касаться ее коленей. Она так ждала этих случайностей. Но ничего, кроме этого целомудренного и, в целом, ни к чему не обязывающего согревания, ни одного даже мимолетного поцелуя он так ей и не подарил. Киру это безумно огорчало.

После каждой встречи она задавала с досадой себе одни и те же вопросы: «Почему он держит такую дистанцию? Сколько ему еще надо времени, чтобы решиться? Что ему мешает идти дальше?» А потом он снова резко как-то замолчал. Ну, то есть совсем перестал на нее реагировать. Последний звонок был уже в состоянии глубочайшего психотропного кайфа. Кира не поняла ни слова. Его сознание, измененное употребленным часом ранее, говорило про барашка и маленького принца, про образ розы, мерещащийся ему в облаках. За этим звонком последовала кромешная тишь.

Девушка обрывала его телефон, писала сообщения, ходила вокруг его дома. Всё было бесполезно. Герман каким-то ловким хирургическим путем умел ампутировать свою потребность в любимом человеке.

А из ее нашпигованного молчанием подсознания, как из решета, стала сыпаться рифма:

МОРОСИЛО

А небо было ласково-печальным,
И тихо моросило по ресницам.
Вставал и одевался машинально,
Стучали в такт вагонов вереницы.

И думать как-то вовсе не хотелось.
Без года тридцать – не веселый повод.
И вот уже не молодость, а зрелость

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.